

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Алексей Цаплин

ШТУРМОВИК

КРЫЛЬЯ ВОЙНЫ

Военно-историческая фантастика

Алексей Цаплин

Штурмовик. Крылья войны

«Махров»

2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Цаплин А. Г.

Штурмовик. Крылья войны / А. Г. Цаплин — «Махров»,
2021 — (Военно-историческая фантастика)

ISBN 978-5-04-111973-7

Летчик штурмового авиаполка Алексей Журавлёв после лечения в госпитале всеми силами рвется на фронт, чтобы подняться в небо на легендарном «Ил-2», хотя он родился через десятки лет после Великой Победы над Германией. Какая сила занесла скромного инженера-технолога в ненастный ноябрь 1941 года – не важно! Алексей не желает отсиживаться в глубоком тылу, хотя и имеет на это право после ранения, и сразу выбирает смертельно опасную профессию штурмовика, обычно «живущего над полем боя» всего два вылета, чтобы хоть как-то помочь ВВС Красной Армии закрыть брешь в своих рядах после огромных потерь в летних сражениях. Смогут ли новоявленный младший лейтенант повлиять на ход войны? Помогут ли ему в реальных боевых вылетах навыки, полученные на компьютерных авиасимуляторах?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-111973-7

© Цаплин А. Г., 2021
© Махров, 2021

Содержание

Ну я попал...	6
В тыл	14
Госпиталь	17
Выписка	26
Дорога домой и знакомство с самим собой	31
Дома? Будем считать, что дома	36
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Алексей Цаплин

Штурмовик. Крылья войны

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

© Цаплин А. Г., 2021

© ООО «Издательство «Яуза», 2021

© ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Ну я попал...

В пятницу оперативка по итогам недели затянулась до самого вечера. Довести до начальства нашу точку зрения о том, что выполнить повышенные обязательства, взятые на себя руководством цеха, без капитального ремонта оборудования оказалось невозможным. Как разговор слепого с глухим. Мои попытки предложить замену изношенного «железа», стоящего на нашем участке, на более целое и современное вызвали глухое раздражение начальника нашего цеха, которое он выразил в местных идиоматических выражениях. Нам было предложено направить свои усилия не на споры с руководством, а на аспекты улучшения эксплуатации существующего оборудования (правильнее сказать «текущего»; вот точно – изо всех дыр и трещин текущего). И что именно на нас особо возлагается ответственная задача по обеспечению обязательств цеха реальными делами. То есть если не обеспечим – отвечать будем мы.

– Всем все ясно? Тогда никого больше не задерживаю! – подвел жирную черту под обсужденными вопросами наш «любимый» руководитель.

Выйдя на ступеньки центрального административного корпуса, мы с напарником остановились. Ледяной ноябрьский ветер резанул по лицу. Мимо проходили остальные участники совещания. Наши «соседи» по промплощадке тоже остановились.

Начальник соседнего участка Палыч прикурил, прикрывая огонек зажигалки ладонью. Володя, его технолог, отвернулся от резкого порыва ветра, несущего мокрый снег, и накинул капюшон куртки.

Всегда «любил» ноябрь: темень, холод... Если дождь – то ледяной, если снег – то мокрый. Хотя, как говорят «англичанцы», нет плохой погоды – есть плохая одежда.

Палыч с наслаждением пару раз затянулся. Ему, заядлому кураке, было тяжело совещаться – оперативиться почти три часа.

– Ну что, на проходную?

На ступенях, собственно, остались только мы и наши «соседи». Плафоны на козырьке вестибюля едва пробивали сырой сумрак. В самом главном корпусе дежурный уже вырубил основное освещение. Володя качнул головой в капюшоне на дорожку, ведущую к центральной проходной, потом вопросительно глянул на нас.

– Не, вы не ждите, мы тут пока постоим. А то еще нарвешься на охрану... Потом объяснительные придется «рисовать» о курении в неподобающем месте... Вы давайте, мужики; счастливо...

Соседи сочувственно покивали и двинулись в темноту дорожки к проходной. М-дя, нам с напарником можно было только посочувствовать. В основном матерщина руководства (читать – «конструктивная критика отдельных недостатков») сегодня была посвящена нашему подразделению. Наши попытки оправдаться имели прямо противоположный эффект – «ты виноват уж тем, что хочется мне кушать!»

Василич, начальник моего участка и по совместительству напарник в заводской упряжке, затянулся, прищурившись от дыма. Привычным жестом протянул мне пачку. Я привычно отрицательно покачал головой. Предмет моей личной гордости – уже седьмой месяц как не курю. Вот просто так взял и перестал. Ну ладно, не просто так. Матушка и моя Красотуля открыли совместный фронт борьбы с курением. Воевали со мной почти три года, пока дочка не высадила у меня в тылу десант и не заявила, что ей тоже не нравится, что запах плохой и что это вредно для здоровья. Пришлось подписывать акт о безоговорочной капитуляции.

Василич задумчиво курил в кулак... Настроение «веселое», близкое к «радостному». Черт бы побрал всех этих начальничков, выбившихся в руководство удачной женитьбой на дочках еще более высоких «топов». Вот ведь парадокс – сынки больших «боссов», как правило, народец так себе: ни рыба ни мясо. Сидят в отделах, пасьянсы на компьютерах раскла-

дывают. А вот зятя! Эти-то по головам пройдут и всем глотку перегрызут за вожаемое начальственное кресло.

– Ну по домам, что ли? – хрипловато спросил Василич. Он еще не залечил полностью простуду, подхваченную в октябре. – Вечерники и ночники отработают без нас. На выходных я сам ребят проконтролирую по телефону. А вот в понедельник придем и будем ломать голову, что делать дальше...

Мы уже неспешно шагали по дорожке в направлении центральной проходной. Ветер сбавил обороты, и мокрый снег перестал хлестать. Он просто шмякался на асфальт под ноги. Редкие фонари образовывали островки света. Из-за этого казалось, что окружающий сумрак стал только более насыщенным. Точнее, намокшим.

– Тебя подбросить? – предложил Василич.

– Да не, я на своей «шахе». {Автомобиль ВАЗ-2106, он же «шестерочка»; имеет еще одно прозвище – «шаха»}.

– Чего это ты сегодня? Обычно ж пешком бегаешь.

– Лизку после гимнастики должны были мои родители забрать. Я с ними договорился – как знал, что наш лиходея сегодня снова задержит. Вот надо «ребенку» отвезти домой и потом еще по магазинам пробежаться. Потому я сегодня свои «колеса» взял.

Холл заводской проходной встретил ярким светом, теплом, медитирующими «ВОХРущками» и уборщицей. Неодобрительный взгляд на наши мокрые следы. В пропускных кабинках у нас профессионально небрежно проверили пропуска, и решив, что мы достойны свободы и отдыха, выпустили на улицу.

Василич буркнул на прощание:

– Ну, бывай... – И остановился под навесом главного входа проходной, чтобы еще раз закурить. Что же, портить здоровье никотином – это сознательная прерогатива взрослого мужика. Вредная мыслишка с издевкой вякнула из глубины сознания: «Ага, а сам-то давно ли бросил? Если бы не твои девушки, сейчас тоже мог травиться табачищем...»

Стоянка у завода была уже почти пустой. Остались только машины вечерников, да таких, как мы с Василичем. Идти пришлось почти через всю мокрую и темную площадь. С утра места оставались только при въезде. Там сейчас меня и дожидается моя «шестерочка».

Черт возьми!.. Картина радости бытия дополнилась свежими ощущениями холода и сырости, – я, конечно же, промок. Ботинки решили, что все равно скоро конец сезону, их функция завершена и поэтому не стоит упираться и держать снаружи грязное месиво, покрывающее асфальт площади. Ну почему мне сегодня так везет? За какие прегрешения?..

Та-а-ак! Ну-ка, тряпка, соберись! Теперь выжмись! Встряхнись! И на веревку – сушиться!

Как там нас учил тренер... Глубокий медленный вдох. Как будто пьешь воздух. Еще глубже! Резкий выдох! Еще разок.

Во. Начало отпускать... Все в норме. А кому сейчас легко?

Брелок автомобильной сигнализации нашелся в кармане куртки. «Шестерочка» приветливо пискнула пару раз и впустила на водительское кресло. Ну, конечно, не тепло, но, по крайней мере, и не так сыро и ветрено, как снаружи. Теперь бы попасть ключом в замок зажигания. Ни фига не видно... А ведь кто-то недавно разорился на крошечный карманный фонарик – светодиодный, металлический, неубиваемый (как было написано). Иди-ка сюда, дружок, – есть тут для тебя работа. С фонариком дело быстро пошло на лад. Машинка фыркнула пару раз и довольно заурчала. Ну да, ну не иномарка, ну старенькая. Так ведь возит же, много не требует. Под окошками ночует, на проходной дожидается. Все равно на новую машину денег нет и не предвидится.

Хорошо переобуться на зимнюю резину успел, а то погода скоро совсем «за минус» уйдет. Ну вот, чуток погрелись – можно отчаливать и проститься с любимым заводом на целых 52 часа.

Неспешный плавный набор скорости. Набрал 60 км/ч, положенные Правилами дорожного движения. Все равно гнать по мокрой скользкой дороге быстрее было нежелательно. Фонари освещения на трассе до жилой зоны тоже горят через один – может, экономят в Гор-Энерго, а может, от сырости контакты светильников перегорели...

Запела гарнитура мобильного. Зазвучала мелодия, которая была заведена на звонки мамушки. Все же приятно, когда в этом темном, холодном и слякотном мире про тебя помнят, тебя где-то ждут и беспокоятся.

– Слушаю, да-да. Я уже еду...

– Да ты не спеши. Мы уже поужинали. Лизонька с дедом мультики смотрят.

– Хорошо. Мам, я еще тогда в магазин заскочу, а потом к вам. Купить что-нибудь вкусенького к чаю?

– У нас все есть, а на выходных мы сами и так по магазинам собираемся. Может, Лизоньку оставите у нас ночевать? А то, что вы будете ночью мотаться... Завтра вместе с Машенькой и приедете за ней.

Немного помолчал, оценивая предложение. Пока доеду, пока дочка соберется... Опять же в магазин хотел забежать. А еще ведь придется отвечать на вопрос родителей «как дела на работе...». Поеду я лучше домой.

– Угу, хорошо. Ладушки. Мы тогда завтра приедем. Ну, до встречи.

Отбой. «Бип» гарнитуры. Любит бабушка нашу дочку, свою маленькую копию (правда-правда, могу даже для сравнения фото показать).

Значит, у меня есть еще почти час форы по времени. Можно встретить свою Красотулю после ее курсов повышения квалификации. Надо бы позвонить – предупредить. Рука привычно полезла во внутренний карман. Нет, не буду. Не люблю звонить на ходу – нервирует меня это дело да и от вождения отвлекает. Лучше позвоню от магазина. Телефон так и остался лежать во внутреннем кармане куртки.

Пробежался взглядом по зеркалам – никто не поджигает, никого сзади нет. Погода не благоприятствует вечерним поездкам. Только таксеры гоняют – денежку пытаются зарабатывать, «подметая улицы».

Снова пошел дождь со снегом – очередной заряд. Включил «дворники». Вдали слякотную хмарь пробивали лучи фар ближнего света и мигающая аварийная сигнализация. Какой-то дальнобойщик остановился на встречной обочине. Вроде никого больше не видно.

Мне осталось еще метров триста, а потом два перекрестка и поворот. Зайду в магазин... «Ребенки» не будет, и мы можем чуток расслабиться. Давно что-то мы себя не баловали. Вот и прихвачу в магазине бутылочку вина. Французского или итальянского. Не-э-э, лучше крымского. И моей Красотуле больше нравится. Вспомним прошлогодний отпуск... Наши фотографии на слайд-шоу посмотрим. Севастополь, Ялта и Алушта. В каждом городе провели по неделе. Это, наверное, был самый удачный и беззаботный отдых нашего маленького семейства.

Фура на обочине сонно мигает аварийкой. Уже совсем близко...

И вдруг резкий свет в глаза!

На встречный автомобиль, вынырнувший из-за дальнобойщика, успел отреагировать резким поворотом вправо, но было уже поздно.

Удар! Нас с «шахой» подбросило, развернуло в воздухе. Грудью вошел в баранку, потом головой – в боковое стекло. Грохот приземления. Еще разворот, «шестерочка» крутанулась на двух колесах, слегка задумалась – переворачиваться или нет – и, хрумкнув на прощание подвеской, встала ровно.

Темнота.

Черт, как же больно-то!

Как в мясорубке побывал. Правая рука вроде шевелится. Ноги! Черт, видел же краш-тесты «классики» – ноги водили всегда в зоне поражения. Блин, придавило, что ли... Течет по роже. Нос... башку расшиб. Хорошо еще, зимнюю шапку надел, то бы совсем хана. Что же так мокро? Кровь... Ну все – кранты куртке... Только месяц покрасовался! Ну что за ЁКЛИМН! ... и Красотуля расстроится... Черт! Больно же! Да я же ща взвою! И не видно ни хрена... Там мужики в фуре должны быть... Подмогнут. Ну хотя бы позвонят куда надо. Если сумею встать на ноги, этому дебилу, что на встречу выскочил, башку сверну! Ему что, права в нагрузку к машине подарили?!

Уплываю... Нокдаун. Держать удар! Это еще не аут! Реальность косым кругом пошла влево. Держаться – рефери еще счет не открывал. Ща-ща... Ремень, дверь... Сейчас я попробую выползти... Боец, впереди еще два раунда! Закусить капу, поднять перчатки, держаться!

Голоса, грохот снаружи! Ну наконец-то! Чуть не сдох, пока дождался!

– Мужики! – хочу крикнуть, а изо рта свистяще вырывается – м-м-х-х-о-о...

Т-фу, – сплюнуть кровью. Надо дать им сигнал, что еще живой, а то, пока будут ждать спасателей, я три раза «коньки откину»... Правая рука вроде работает – стукнуть в крышу. О, получилось... Ну-ка, еще разок... Ничего не вижу – темень. И боль жует меня все сильнее и сильнее. Планета из левого виража решила пойти в правый. Ну что, здравствуй, сотрясение мозга!

Голоса. Слабо, на пределе слышимости.

– ...живой.

– Да, блин, живой же, конечно! Еще... Пока... А если вы будете телиться, могу и перестать быть таковым!

– ...фонарь...

– Нате! Вот же мой неубиваемый фонарик. Блин, да где же он тут... И вообще, на фиг он вам нужен?

Воздух... Резкий, мокрый, холодный.

– А-а-хх-а! Мгх-а-а-хх-у! – это типа у меня получилось выразить радость, что до меня добрались.

Голоса стал слышать лучше, но все равно как через стену.

– Режь ремни!

– Очки убери – стекла разбиты. – Когда я успел очки надеть?! Они же в бардачке так и остались. С моими –0,5 я их надеваю только в дальнюю дорогу. Или для пижонства – чтобы интеллигентность подчеркнуть.

Что-то белое мелькнуло перед лицом в темноте. Бинт? Что, «Скорая» уже успела?

– Шлем, осторожнее! Снимаем...

Шапку с меня стащили вверх (тарелка Земли, та, что стоит на трех слонах и трех китах, устроила килевую качку – надо потом нерадивому зверью объявить выговор). Башку мне бережно отклонили на подголовник. Что-то белое снова перед глазами. Марля, что ли? Крепкие руки грубовато подхватили и потащили вверх. За шкирку в том числе. Что? Дверь заклинило и пришлось крышу срезать? Ну все – прощай, моя верная машинка...

Ноги! Блин, да больно же! Осторожнее! А получилось что-то всхлипнуть – взрыкнуть:

– Но-о-ххх... Агрх-х-х...

Все, аут. Занавес! Если рефери все-таки и открыл счет, то я его уже не слышал. Эту схватку я продул «за явным преимуществом»...

Вш-ш-и-и-х. О, картинка вернулась! Так, видеокарта в башке накрылась только частично, и ее еще можно «вытащить» профилактикой. Или все же следует заменить на новую. Потому

что снова ни фи́га не видно. А вот мокрую пакость, что падает с неба, ощущаю и весьма ясно. Аммиачок... Любимый запах. Я что, в родном производственном корпусе?!

Нет. Темень. Лежу на спине. Загораю. Так можно было бы сказать, если отбросить обстоятельства, что на улице ноябрь и полное отсутствие солнца. По рожице стекает то, что падало с неба в виде дождя со снегом. Похоже, что обосновался на носилках. Носилки вроде как на поверхности планеты. О, снова начались качели-карусели. Еще болят правая нога и левый бок. Левую ногу вообще не чувствую...

– Мужики, я сейчас встану, только помогите. – Снова хотел сказать, и снова не получилось. Я что, так здорово долбанулся и теперь до пенсии буду Герасима из «Муму» изображать?!

Рядом кто-то бежит, суетится, командует. Правда, все воспринимается как телевизор с приглушенным звуком, когда ты сидишь к нему спиной или боком.

Ближе к себе слышу:

– Взяли! Давай!..

Меня куда-то резко вскинули вверх.

– Принимай. Осторожнее! Опускай, ставь...

Не въехал – а где, собственно, верх у этой санитарной «газели»? Надо мной чернело мрачное ноябрьское небо и скупое цедило мне в лицо что-то мокрое и холодное. Поверхность подо мной слегка вибрировала.

Что-то хлопнуло. Кто-то над головой довольно заботливо прошумел:

– Давай, поехали, только осторожнее.

Пол подо мной рыкнул и начал качаться и подпрыгивать. Через некоторое время амплитуда качелей в башке и того чудо-транспорта, на котором меня перемещали, вошли в унисон и начали меня убаюкивать. Все. Я снова сдался. Уплываю...

Что-то звякнуло. Потом брякнуло. Где-то близко кто-то ходил и что-то делал. Сопровождая свои действия недовольным бурчанием. Глаза нехотя открылись. Несколько медленнее, чем бы мне хотелось. Так, фокусировка, наводка резкости... Да здравствует дневное освещение. Ночь, видимо, прошла в отключке. Ну и где это мы обустроились? По виду похоже на больницу. Это хорошо. Фу, ну и запахок. Хлорка-карболка. Вот почему в платных медцентрах нет этого характерного запаха? Руки... Двигаются и шевелятся. Нормально. Так, поднесем их к своим видеодетекторам. О! Целые! Правда, все почему-то поцарапанные, как будто кошку мыл, грязные и с «трауром» под ногтями. Минуточку, а где мой любимый шрам на запястье – память о неудачном ремонте форточки на кухне. Ох, – это отозвался левый бок. А вот тут не все хорошо – бочину резануло прилично. Палата изобразила повороты вправо-влево и легкое покачивание. Ага, головой приложился прилично. Правая рука подтвердила это, нащупав бинт на лбу. Продолжаем инвентаризацию. Грудь, живот... Чем это меня накрыли? Они что, зажали нормальные пододеяльники? Последний раз так кровать экипировали, когда еще служил в армии – одеяло отдельно и две жиденькие простыни. Блин, пить хочется. Во рту – как в реакторной емкости перед зачисткой – раствора уже нет, а есть грязюка и вонища.

Задница, передница... Вроде ничего не пострадало. Я, конечно, не очень ими дорожу, но за свою жизнь как-то с ними сроднился и без них будет явно хуже. Ноги... Попадос... Если левая (как оказалось, все на месте) болит как сильный ушиб, то правая точно – перелом.

– Э!.. Народ! Тут есть кто? – Во! Получилось. Вариант с Герасимом можно отложить. Но прохрипел-просипел как-то не очень внятно. Звукофоны медперсонала меня не засекли.

Исправимся. Так, прокашляться. Сглотнуть. И – попытка номер два.

– Люди! Ау! – Ага, как Красная Шапочка, которая потерялась в лесу.

На попытке номер три (бис – улучшенной) в поле моего зрения возник медработник.

Мдя-а-а.

С другой стороны... А чего такого – прикольно даже. Нет, ну ожидаешь стандартную советскую нянечку-медсестру, неопределенного возраста за 50 в бело-сером халате со шваброй под мышкой... А появляется довольно крепкий мужик, коротко стриженный (почти по-солдатски), с пшеничными усами и в забавном халате без пуговиц. Цвет халата оправдал ожидание – был серо-белым застиранным. На груди слева накладной карман. Воротника нет. Под халатом явно гимнастерка. Вот именно, гимнастерка! Не китель, не пиджак, не свитер, не камуфляж, а гимнастерка. С петлицами. С голубыми петлицами, которые находятся выше среза халата. С голубыми петлицами, над которыми господствует змеюка с чашкой.

Версия «раз» – меня закинули в ближайший военный госпиталь (странно, наша городская больница ближе). А у мужиков в честь чего-то или какой-то даты ролевуха про войну.

Версия «два» – головой я приложился так крепко, что видеокарта вылетела из пазов. И процессор тоже. И вот проецируют мне непонятно что.

– Во, уже оклемался. – Голос вошедшего бодр и деловит. К запаху карболки примешался запах табака. И вроде как перегара?... Так! Не надо клеветы на нашу армейскую медицину! – Пить хочешь? – Окончание он чуть сглотнул и получилось «хощь?»

Не ожидая никакого подвоха, я кивнул и просипел: «Ага!»

Зря, ой зря я делаю движения головой... Резкая боль, как будто в башку шило ткнули, и поехало вращение.

Медбрат (а как мне его еще называть?) сделал несколько шагов вперед и исчез из моего поля зрения. Запрокидывать голову, чтобы посмотреть, что он там делает, мне было совсем неохота после «ага». Сверху что-то булькнуло и полилось. Потом меня бережно подняли в полувертикальное положение и поднесли ко рту кружку. На то, чтобы рассмотреть, из чего собственно пью, сил не было. Но то, что это была кружка, – ручаюсь. Медбрат-реконструктор так же аккуратно вернул меня обратно в лежачее положение. Мозг еще разок спроецировал изображение в виде скачков и пируэтов, а потом стабилизировал картинку.

– Семен Николаича позвать?

– Позвать, – я осторожно согласился. Кивать головой не стал.

Медбрат повернулся и пошел к выходу. Во! Я увидел, на чем держался халат – на завязочках, которые были расположены в рядок у него на спине.

– Товарищ (у него снова получилось «тарищ») военврач, лейт (снова он сократил) Журлев в себя пришел.

– Хорошо, иду.

Ого, я вроде как целый лейтенант. Кто такой «журлев»? Он тоже в себя пришел? В этом маскараде я, наверное, или командир взвода, или командир роты. Короче, вообще, офицер! Да, круто я головой приложился... Ну ладно, пока я весь этот бред потерплю, а потом только антидепрессанты, закутывание в холодные простыни, ежегодное обследование в психушке... Блин, и это в мои-то годы! Зато профком будет путевками в санатории обеспечивать в самое бархатное межсезонье. Тудыт-растудыт... Моему начальнику цеха теперь и увольнять меня не надо – просто спишут в дурку, и всё. А что, как ему хороша карта легла! Повышенный план не выполнили? Оборудование окончательно развалилось? А кто виноват – а вон тот долбанутый. Его еще в психбольницу отправили...

Ё-мое! Мои девушки меня-то уже потеряли! Позвонить не успел... Хорошо, что Лизка у моих родителей осталась. А вот моей Красотуле предстоит беспокойная ночь с поиском по моргам, по больницам и по милициям-полициям. Ну, ничего – она товарищ упорный, найдет. Далеко от места аварии отправить меня не должны были. К тому же документы у меня при себе были. Из больницы, наверное, должны домой позвонить.

Что там дальше? Карточка кредитная моя дома – деньги у семьи на жизнь есть. И мне на лечение. А дальше родной завод поможет. Может быть... Если захочет руководство...

– Ну, как мы себя чувствуем? – спросил вошедший. Халат на нем был уже более привычного вида. Правда, тоже слегка сероватый. Доктор имел вид серьезного усталого мужчины лет сорока. С усами, как у Микояна. Обозначившиеся залысины. Круглые очки взял напрокат у кого-то из сороковых годов. Или у Гарри Поттера. Взгляд серьезный такой, профессионально-врачебный. Хм-м, тоже в реконструкцию играет. Под халатом явно военная форма. Петлицы голубоватые. Змея с чашкой вижу, а дальше не разберу эту геометрию. То ли квадратики, то ли прямоугольники.

– Ну, бывало и лучше.

На мою попытку юморить военврач слабо усмехнулся.

– А телефон можно? Мне позвонить надо.

Мое пожелание военврач-реконструктор истолковал на свой манер.

– Вот отлежишься и будешь звонить-писать-докладывать... А, вообще-то, кому ты звонить собрался? Все и так видели, как ты шлепнулся возле полосы. Рапорт комэск еще вчера написал. Майор с начштаба обещали после ужина зайти, так что лежи – спи.

Ну что я должен отвечать такой несговорчивой галлюцинации?

– Есть спать. Разрешите выполнять?

– Спи уж. Вот не знал, что ты такой шутник.

– А это у меня в связи с травмой головы... – Меня потихоньку покачало и увлекло в сон.

Жужжание в башке. В моем головном компе при ударе еще и кулер стряхнули с оси – скрипеть начал.

У меня гости.

Маскарад продолжается. Видимо, очередная постановка к годовщине обороны Москвы или Сталинграда. По датам больше всего подходит.

Наблюдаю двух усталых мрачноватых мужиков у своего лежбища. Один сидит на табурете, другой переминается у него за спиной. Офицеры... Не-э-э, ежели играть в реставрацию по всем правилам – «командиры». Халаты накинуты поверх формы. И вид у них такой... достоверный, что ли. Видимо, матерые ролевики со стажем. И чувствуется, что эта пара «замоталась до предела». Мы с Василичем так выглядели, когда три месяца без выходных по двенадцать часов пахали. У обоих гостей глаза красные, подбородки и щеки серые. Или это свет подследоватой лампочки их такими делает.

– Как здоровье, герой? – это доброжелательно спросил тот, что сидел на табурете. Ничего себе так товарищ. А что это у него за отворотами халата, накинутого только на плечи? О-па, два ордена – Красной Звезды и Боевого Красного Знамени. Ну что же, по меркам того времени солидный мужик.

– Нормально, – это я так, осторожно. Даже если они – галлюцинация, то с ними лучше не спорить. Это, видимо, и есть посетители, о которых сообщила галлюцинация в виде доктора. Пardon, военврача.

– Ненормально. – Вторая галлюцинация несогласна. У этого орденов не видно. Вижу только какую-то медальку со здоровенной красной звездой на серебристом фоне. – Медицина тебя в госпиталь отправить хочет.

Блин, а сейчас-то я где? Все забавнее и забавнее.

Эти командиры косят под летунов. Голубые петлички с птичками и геометрическим орнаментом, темно-синие галифе. Ну ладно, пусть будет второй вариант развития ситуевины, – меня обкололи обезболивающими, и мне снятся цветные сны. (Только какого же... «болта» так болят башка, бок и ноги?) Будем соответствовать второму варианту. Только не спорить! Так, глядишь, из дурки будут на выходные отпускать, а не постоянно к койке привязывать.

Как там, в фильмах про Войну, должен отвечать скромный герой?

– А можно мне здесь остаться?

– Нет. – Иллюзия с медалькой категорична. – Поедешь в тыл.

Вот те на! Типа тут у нас фронт.

– И вообще, если лонжероны и силовой набор техники обещали через два дня отремонтировать, то новых двигателей больше нет. Даже восстановленных. Так что ты все равно безлошадный. Вот и отправляйся лечиться. – Это выносит вердикт первое «привидение» на табуретке. Ну он же мне привиделся? Значит, «привидение».

А хорошо мужики в роль вжились, так это натурально у них получается. Реалистично. Это система Станиславского во всей красе? Интересно, что они бы ответили на вопросы: «А вы, господ... то есть товарищи, вообще-то, кто такие будете? А я сам-то кто?» Может быть, мне по сценарию можно – я же головой ударенный. Но лучше не рисковать, а то вдруг – «провинция, неправильно поймут...»

– Не горюй, на твой век войны хватит. Вон эта сволочь все прет и прет. – Это вроде как меня подбадривает стоящий товарищ. – Пошли? – этот вопрос он адресует тому, кто сидел на табурете. – Николаич ругаться будет.

– Да, он начальник суровый, – иронично подтверждает, вставая с табурета, первый. – Ребятам из твоей эскадрильи, которые тут крутились, такой пистон вставил, что они теперь медпункт третьей стороной обходят. – Ну ладно, счастливо.

Эти посетители вышли из поля моего зрения.

Появился уже знакомый медбрат с усами.

– Пить бушь? – Он слегка наклонился ко мне.

– Буду.

– Вот, нако. Поршок те положон. – Он развернул белую бумажку. Получилась полоска, сложенная галочкой. – Рот открывай.

– А...

Усач ловко всыпал мне в рот какую-то горькую гадость. У него профессионально получается. Аккуратненько меня приподнял. Перед носом появилась белая эмалированная кружка.

– Пей.

Судя по вкусу, это был холодный сладкий чай.

Так же бережно меня вернули в прежнее положение. Планету, видимо, саму уже тошнило от поворотов и качаний, которые она мне устраивала по любому поводу. Качнулась вверх-вниз и успокоилась. Как подвеска на моей «шахе».

Эх, «шестерочка»... Где же ты теперь? Бросили тебя жестокие и неблагодарные люди на произвол судьбы. Стоишь теперь на обочине разбитая. А ближе к лету местные бомжи оставят от тебя один остов... Настроение упало ниже уровня плintуса. А что там мои поделывают? Красотуля уже должна была поднять всех на уши. А может, меня уже нашли? И типа уже лечат? Голову. Постановками в стиле ретро.

Помещение с тускловатой лампочкой начало уезжать от меня в какой-то туннель. Рота, отбой! Всем спать...

В тыл

На следующий день мою побитую и покалеченную тушку побеспокоили ни свет ни заря. Санитар с такими же военизированными помощниками переместил меня с койки на носилки. Я попытался выразить возражения по данному поводу. Вот сейчас... Сейчас, сейчас... Я сейчас все им возражу в матерных возражениях. Блин... не успел – вырубился.

Возвращению в текущую реальность обязан холодному компрессу на горящую рожицу и лобешник. А-а-а! Еще! Какой кайф! Даже голова проходить стала... Черт возьми! Это никакой, к этой бабушке, не компресс! Это мокрый снег мне сыплет в лицо. И где это я?

– ...документы! – Чей-то молодой визгливый голос с командирскими интонациями.

– Что везете?

– Это наших в дивизионный санбат... Вот сопроводительные...

Поверхность подо мной качнулась, и в поле зрения возник какой-то военный в шинели и шапке, лихо натянутой на не очень умную тыковку. Конечно, неумную – нечего так орать рядом с пострадавшими гражданами. Прямо как сосед с перфоратором в девять утра в субботу. Убил бы.

Бравый проверяющий оказался доволен увиденной картиной. Вроде бы при этом речевые обертоны опустил на пару регистров до приемлемого звучания. И громкость увернул.

Пользуясь случаем, я решил осмотреть место своего возлежания. В силу возможностей-способностей чутко приподнялся и огляделся. Опаньки, а я не один тут «загораю». Рядом со мной стояли еще носилки, на которых расположился гражданин, которому было совсем хреново. Либо спит, либо в отключке. Физиономия с двухдневной щетиной. На голове ушанка. Самая такая обыкновенная солдатская ушанка. Поверх одеяла накрыт еще шинелью. Его дождь со снегом не сильно беспокоят. С другой стороны сидели два молодцеватых парня. Видимо, и у них что-то болело. Больно уж вид какой-то отрешенный и лица бледные. У одного рукав шинели был явно пустым.

Объяснений увиденная картинка у меня найти не смогла. Видимо, логику выбило из башки при ударе о дверь. Удовлетворимся предположением, что реконструкторы разыгрывают эвакуацию раненых. Ну и меня прихватили за компанию. А ребята себе, видимо, руки-ноги успели повредить, когда в войнушку игрались. Но вот сосед по носилкам либо какую-то бациллу скушал, забыв посолить, либо у него что-то с организмом разладилось. Из «хроников», видимо. Странно, а на алкаша не похож... Может, у него с «моторчиком» проблемы?

Ну что за вечные проблемы у местных с транспортом?.. Почему нельзя вызвать нормальную санитарную «газель»? Для достоверности восприятия? Офигели! Первый же нормальный «дохтур», обнаружив, каким образом реконструкторы людей возят, тут же пригласит полицию и гаишников.

Загудело-задрожало. Типа мы поехали. Один из парней поморщился, как от зубной боли. Второй что-то зло проворчал. Видимо, начало движения ему тоже особой радости не доставило. Им-то чего. Меня вообще через некоторое время вырубил...

Пару дней на новом месте я старательно пытался продавить матрас. Медбрат (уже другой, но похожий) исправно меня будил, давал порошки и тоже поил холодным чаем. Иногда просыпался от боли и видел каких-то садистов в белом, которые возились с моими ногами. Разглядеть нормально мешал яркий свет в глаза. Потом эти инквизиторы, изображающие белых ниндзя (только моргалки видны были), куда-то исчезали, и я засыпал. Один раз чай решил выйти обратно. Но мой ангел-хранитель и по совместительству медбрат был явно не из низких разрядов. Он меня ловко перехватил, подставил тазик, и рвущийся на свободу чай не смог запачкать ни постель, ни полы.

Помещение палаты (ну так это условно назовем, может, это и не палата вовсе) детально рассмотреть не удавалось. Да и не очень-то и хотелось. Стены до середины покрыты желтоватой масляной краской. С трещинами и местами облупившейся. Потолок и верхняя половина стен покрыты побелкой. Помещение небольшое. Я в нем валялся в одиночестве. За дверями и стенами кто-то ходил, что-то гремело и скрипело, раздавались приглушенные голоса. В моменты пробуждения видел, что кто-то заглядывал в двери. Но меня это не отвлекало от главного – я спал. Судьба смилостивилась за все то беспокойное время, что было перед аварией. С нашим производством особенно не поспишь. Звонки сменных мастеров полтретьего ночи – это в порядке вещей. А здесь я бессовестно дрых и хотел только спать, спать и спать.

А потом был хмурый и сырой день, когда поднялась суета. Шум и голоса что-то типа: «...давай... ..бери! ...скорее... ..понесли... Взяли! ...сюда». Каким образом я очутился на носилках, а потом в бортовом дощатом кузове, так и не понял. Рядом снова кто-то лежал и сидел. В поле видимости находились какие-то зеленые ящики вполне себе армейского типа. На свет глаза открывать решительно не хотелось – один раз хотел осмотреться – резанули слезы, снова возникли боль и головокружение. Тошнота, сидящая внизу души, как верный пес, немедленно рванула вверх. Стукнуло, звякнуло-брякнуло, и где-то впереди заурчал двигатель. А вот глушитель парни где-то пробили – слишком резкий звук. Носилки подо мной мелко завибрировали.

– Готовы? Трогай.

Началась качка.

Реконструкторы заканчивали сезон и, видимо, разбирали декорации.

Ну, может, теперь в нормальную больницу попаду... Я же вроде начал в себя приходить. И вообще, что за дела! Везут, как белье в прачечную. Они что, нормальную «Скорую» вызвать для перевозки не могли? Или это... Далее я элементарно вырубился.

...Остановились. Борт откинут. Обнаружил, что сверху одеяла кто-то заботливо накрыл шинелью. Наблюдаю зеленую стенку с окошками. Похоже на вагон, только почему-то из какой-то фанеры, небрежно покрашенной зеленой краской. Откуда-то доносятся спорящие голоса. Женские и мужские...

– ...прорвались... эвакуация...

– ...некуда нам... Все и так забито!

– Вот вещи, документы... Примите, нам еще...

– ...везите! Там...

Что-то бумкнуло и заскрипело. В середине зеленой стенки с окошками раскрылась дверка. И вправду на вагон похоже...

– ...помоги! Давай...

И какая сволочь включила паровозный гудок у травмированного человека над ухом?! На меня этот рев подействовал как удар дубинки – боль и темнота. Я снова выпал из реальности.

...Так, с возвращением. Качка, как при движении поезда на Юг. Я долгую качку переношу плохо. Поэтому мы в отпуск на самолете все время стараемся летать.

Какой-то сумрак, перед глазами коричневая клеенка (а где наш любимый дерматин?) верхней полки. Сбоку плечо упирается в мягкую сетку. Покачивает, доносится звук, похожий на стук колес. Все-таки поезд? Вагон?

Медленно, по нарастающей усиливается громкость. Как будто обычные вагонные звуки пересиливает усталый женский голос явно с врачебными интонациями.

– ...лейтенант... Сквозное левой голени, слепое правого бедра...

Ощущение, что она что-то диктует, и уже не первый час.

– ...осколочное головы... контузия... гематома... подозрение... перелом... Температура 38 и 8. Назначено... Дальше.

Голос медленно удаляется.

Ну и как это все понимать?

А вообще, мне плохо. Все слышали, какая у меня температура? Лучший доктор – это сон. Спать! Команда была – «Отбой!» Сознание ушло и погасило свет.

Что-то не врубаюсь... Окружающая действительность – это реально?

Это все вообще о чем?

Я где?

Потом же буду рассказывать – народ животики понадрывает.

Я как это..?

Офигеть!

Я КТО?

Госпиталь

...Снова Василич дымил в кабинете и не проветрил. Ща я ему выскажу все, что думаю по этому поводу! То, что, несмотря на все запреты, мы раньше курили на рабочем месте на пару, сразу же забывается. Особенно если сам бросаешь, а товарищ нет. А что это за специфичный больничный запах? Пытаемся продрать глазоньки. Текущая реальность маскируется под госпитальную палату. Или не маскируется...

Приподнимаюсь на локтях. О! Прогресс! Раньше это нехитрое движение у меня не получалось. Ну и что мы наблюдаем? Больничная палата на четверых. Моя койка ближе к двери. У входа с одной стороны – какой-то шкаф, с другой стороны, в углу, отделанном белым кафелем, стоит раковина. Впереди, у окна между кроватями, располагается стол, на котором два мужика задумчиво играют в шахматы. На одном халат коричневатый, на втором – примерно такого же цвета, но уже выцветший от стирок. «Коричневый» сидит при этом на своей койке по-турецки, а «застиранный» опустил ноги на пол. Левая у него в таком приличном (во всю длину конечности) гипсе. К тумбочке, что занимает место между «ложементами», прислонены костыли. Койка, стоящая напротив, заправлена. Что, и тут тоже нет нормальных пододеяльников? В воздухе под белым светящимся плафоном витают остатки табачного дыма.

Надо ребятам сообщить о моем присутствии и готовности пойти на контакт.

– Фу, блин, накурили!

Парень в коричневом халате даже не оторвал взгляда от шахматной доски.

– Я не курю. – Чувствуется, что эта фраза у него отрепетирована длительным повторением.

Другой товарищ в линялом коричневатом халате сделал вид, что курить тут мог кто угодно, и продолжил изображать гроссмейстера.

– А я тогда так, – сообщил он «Коричневому» и что-то передвинул на доске.

Будем продолжать попытки обратить на себя внимание.

– ...Партия Алехин – Капабланка в самом разгаре. (До Магнуса Карлсена и Корякина еще лет 70.) Мы ведем наш репортаж из Васюков! – Надо же подчеркнуть знание классики.

«Коричневый» парировал ход соперника.

– Гляди-ка, этот оклемался, – заодно сообщил он «Застиранный».

– А что толку? – «Застиранный», оказывается, у нас философ. – Он все равно контуженый. Сейчас поматерится, наблюдает и снова отключится.

Парень в коричневом халате посмотрел в мою сторону.

– Э, летун долбанутый (это мне что ли?), у тебя возле койки тазик стоит – потренируй прицел и научись меткости.

«Застиранный халат» его ворчливо поддерживает:

– Вот где этим соколам по фашистам бить, если он даже в тазик попасть не может?

У меня даже обида появилась.

– Вы чего взъелись на больного человека? Я что, специально?

– Специально или нет, но надо уважать труд санитарок.

– Злые вы! Уйду я от вас! – Интересно этот анекдот парни уже знают?

– Это в коридор, что ли, съедешь?

– Не-а! В нирвану! – В ушах уже звучал привычный звон. Такая длинная беседа и попытка сесть привели к тому, что перед глазами снова все начало кружиться и качаться. Всё – «Отбой!»

С парнями познакомились немножко позднее. «Коричневый» оказался москвичом по имени Виктор. Артиллерист. Командир батареи. Свою пару осколков в спину получил при

авианалете. Ранение у него вызывало досаду и недоумение. Как оказалось, при той бомбежке, кроме него, ранило пару ездовых и убило трех лошадей. Осколки прошли по касательной, и Витька решил, что с такими ранами не только в госпиталь, а даже в медпункт обращаться стыдно. Заставил своих бойцов промыть спину водкой и замотать индпакетами. О том что «царапины» могут воспалиться и что два мелких осколка остались в лопатке, он не знал. Когда его, потерявшего сознание, приволокли к медикам, те схватились за голову и ближайшим транспортом отправили в тыл. Противные кусочки железа смогли обнаружить только в госпитале – когда рентген сделали. А «выковыряли» их у Витьки за пару дней до моего вселения в данные апартаменты.

Паша, раненный в ногу, был пехотинцем. Родом он из-под Тихвина. Успел нормально окончить училище. То есть отучился полный курс, а не ускоренный. После выпуска получил направление под Киев, в какой-то городок. Они должны были охранять какой-то укрепленный район. При начале боевых действий их подразделению предписывалось занять оборону перед укреплениями. ДОТы, ДЗОТы, капониры у Паши мелькали в речи через раз. Об укрепрайоне он отзывался с уважением и считал, что если было бы больше боеприпасов и тверже стояли соседи, то немцы ни за какие коврижки не смогли бы их выбить с позиций. Потом были переходы, отступления, контратаки – Пашка этого черпанул полной ложкой, пожалуй, даже половником. Через некоторое время в полку кадровых командиров осталось три-четыре человека. Пашина рота сократилась до взвода. И это с учетом того, что их пару раз пополняли личным составом.

В одной из контратак Паша получил порцию металла в ногу и был отправлен сначала в санбат, а потом без задержки в госпиталь.

Мне соседи по нашей офицерской палате нравились. Нормальные парни, молодые, немного ершистые. Любители позубоскалить. При этом всегда готовы помочь. Оказалось, что нашей медсестре (милой тетушке за 50, которую так хотел увидеть раньше) помогал за мной убирать Витя. Он вообще считал, что в госпитале находится случайно, что его место на батарее и что пока он тут делает вид, что лечится, другие бьют врага. И ему потом ничего не достанется.

Молодежь; они еще не успели обзавестись семьями, и про своих подруг тоже скромно умалчивали. Видимо, их пока не было. Сестричкам, которые работали в госпитале и иногда к нам заглядывали, ребята глазки не строили. Они сразу становились очень серьезными и даже немного важными. На обходе и при осмотрах у них никогда ничего не болело и все было хорошо. Любой визит специалиста у них заканчивался вопросом: «А когда меня выпишут?» Паше мы прощали, когда он втихаря вечером курил в палате. Днем он героически ковылял на улицу и дымил в сторонке у входа.

Мне прощались молчаливость и нежелание рассказывать о себе. А также полное неумение играть в шахматы. Фигуры я не путал и, как они ходят, тоже знал. Только ни одной партии у своих соседей я не выиграл. Даже ничьей не получалось. На подкалывание ребят отвечал, что у нас больше в чести домино и нарды.

С расспросами «а кто ты и откуда» особенно никто не приставал. Считалось, что если захочет человек, то сам все расскажет, а если не хочет, то и не надо «в душу лезть» грязными сапожищами. Мы болтали о книжках, о фильмах, о том, как разворачивались боевые действия (в частности, немакам уже успели крепко влупить под Москвой и начали давить на южном фланге). Расспросы-рассказы про дом и про родных мы с Витькой тактично обходили – у Паши уже месяц не было никаких известий от своих. Я успел позабавить ребят рассказами из студенческой и курсантской жизни. Хм-м. Разница почти в шестьдесят лет, а приколы, за исключением отдельных нюансов, примерно такие же. (Дежурный заходит, а этот пентюх «на тумбочке» уснул... Вот он от великого ума плавиковку в стеклянную пробирку и налил. Пока спохватились – два этажа насквозь прожгло. Профессор тогда ему и говорит... И будут копать от забора до обеда... А нашего старшину обворовали, – сперли всю его библиотеку – целых

две книжки. Одну он даже раскрасить не успел... Ему-то хорошо бежать в спортивных штанах и парусиновых тапочках. А мы в полной выкладке, да еще и в противогазах... Он тогда под маску противогаза спичечный коробок засунул, ну чтобы хоть чем-то дышать. А на коробке был «наш ответ Керзону» – вот кулак у него на щеке и отпечатался. Ротный и говорит – кулак сам нашел щеку подлеца. Только жалко, что маленький и нарисованный...)

Еще из развлечений у нас были газеты и тарелка репродуктора, установленная в холле. Одна на весь этаж. Вечером по радио передавали музыку или что-нибудь читали. Ранбольные, как нас называли местные медработники, собирались в холле на вечерние посиделки. При этом все готовились к данному мероприятию, как моя Красотуля к походу в театр. Мои соседи одергивали пижамы, застегивали все пуговицы и обязательно причесывались. В холле слушатели сидели на кушетках или подпирали стены. Негромко переговаривались.

После уходящих был ужин в небольшой столовой, которая расположилась между процедурной и холлом. Вечерние назначения (перевязки, уколы, порошки) и отбой.

Ну что, новая реальность, начинаем осваиваться?

О том, что я Алексей Журавлев, узнал из листа назначений, который был закреплен в ногах койки. Это повышение (в алфавитном порядке) в стае пернатых меня позабавило. Прежде был Цаплин, и тоже Лешка. Судя по информации, полученной из скромного набора личных вещей и документов, обнаруженных в прикроватной тумбочке, затонированной белой масляной краской, здесь позиционируюсь как летчик. Все остальное оставалось загадкой. Спустя пару недель, когда валяться стало уже просто противно, решил встать на ноги и, морщась от боли, похромал по палате. Но сразу без подпорок, чему позавидовал Паша. Его жутко раздражали собственные костыли и «костяная нога». Кости у него срастались медленно (как он считал). К тому же жутко чесалось. Пашка на улице даже выломал прут и пытался его засовывать под гипс, чтобы унять зуд.

Зеркало обнаружил в умывальнике-туалете, который был расположен в конце центрального коридора. Ну что, здравствуй новая рожица?.. Так, минуточку, а рожица-то старая! То есть в зеркале обнаружил свое отражение, правда, лет так на двадцать моложе. (А может, не свое? Но очень уж похожее.) Я таким был, во время службы в армии, вернее, сразу после армии, когда в институте начал учиться. В солдатчине, несмотря на фирменные блюда нашей солдатской столовой: пюре в мундире и жареная селедка, щеки все ребята себе отъели так, что со спины становились видны. А вот у студентов вопрос «пожрать» всегда был в разряде «не было» – то денег не было, то времени не было. Потерявшие армейский жирок щеки как раз соответствовали успешному (а что? – ведь без «троек» же!) окончанию первого курса. Признаки растительности собрались проявиться над верхней губой и на подбородке, но, похоже, еще пребывают в раздумьях. На моей многострадальной головушке наши медицинские специалисты наvertsели тюрбан из бинтов. Выше наблюдалась верхняя крышка черепа с прической «стриженный ежик». Я даже рукой потрогал. Так, кому тут что не нравится? Всем любителям модельных стрижек – мое почтение! А у меня «умный волос начал покидать дурную голову» лет в тридцать. Химическая промышленность не способствует пышности шевелюры, хотя, впрочем, есть и исключения. Вид существа, которое рассматривало меня из зеркала, напомнил магазинного цыпленка советского периода – худой и синий (зато без вредных биодобавок). Общий вид тела, доставшегося при «переезде», примерно соответствовал моим двадцати годам. Исчезла родинка на поясе, которая меня так раздражала, зато появился небольшой участок шкурки возле правого локтя, покрытой рубцами (похоже, был когда-то приличный ожог). Ноги... Не мешало бы как следует помыть-попарить, срезать роговые мозоли... И, конечно же, подстричь ногти. Ну-ка! Маникюрный набор в студию! И поживее! Да к тому же если форма моих «хваталок» вроде бы как осталась прежней, то на ладошках появились приличные такие мозолюки. Я в своей реальности был далеко не белоручкой, но на работе все технологические

операции проводили в «резинках» (я в резиновых крагах даже письма писать могу), а на фитнесе, который уже лет десять как заменил пристрастие к восточным забавам, пользуюсь перчатками. Со своим «аппаратом J-6» и по дому «вожусь» тоже в перчатках (правда, в х/б – чтобы руки легче отмывались). Короче я – это не совсем я. Можно даже поразвлекаться – типа найти в двух картинках десять отличий.

В остальном текущая реальность совсем не радовала. И за что мне такое везение – фонарик не горит, свисток без дырки, а акула глухая попадется! Ребятам этот анекдот уже успел рассказать – хохотали до слез. В общем, за окошками, заклеенными полосочками бумаги крест-накрест в каждом переплете, стоял ноябрь сорок первого года.

Снежок припорошил парк на окраине Москвы, в котором расположилась бывшая детская больница, а теперь госпиталь № **57. Медперсонал смену подопечных особо не заметил и обращался с нами как с детьми. Поэтому пациенты с усами и самокруткой в зубах рассматривались не как нарушители дисциплины, а как малолетние преступники, которых следовало выпороть и поставить в угол. У нянечек и медсестер даже обращение к нам было забавное: «ранбольные». Они его придумали из нового «раненые» и привычного «больные». А чаще нас звали «сынки» или «мальчики».

– Просыпаемся! Так, сынки, градусники берите. – Это пришла наша МедФедоровна и включила круглый плафон под потолком палаты. На самом деле она Мефодьевна, а МедФедоровной ее зовет маленькая девчушка, которая иногда прибегает по вечерам. Малышка приходится ей какой-то внучатой племянницей, что ли... Видно, родители этой пигалицы где-то вкалывают по сменам. В день ее «дежурства» часть вечерней пайки нашей палаты (сахар, масло, белый хлеб) шла в фонд подрастающего поколения.

Такие же «воробьята» постоянно крутились у нас в госпитале. Они себя гордо называли «тимуровцами» и изо всех сил старались помогать. Стакан воды подать, письмо под диктовку написать, помочь санитаркам полы помыть... Самые ответственные и важные от осознания порученного дела вечером опускали на окна светомаскировку – одеяла, которые утром поднимали на веревочках обратно в верхнее положение. Вечером, как все поужинают, наших «тимуровцев» собирали в столовой и подкармливали тем, что осталось в котлах и на раздаче. После отбоя, когда ходячие ран больные укладывались на койки и гасилось основное освещение, освободившаяся смена уходила домой. По темной дорожке среди заснеженных деревьев брели усталые мамы-нянечки и тетюшки-санитарки. С ними, держась за ручку, семенили наши маленькие помощники. В возрасте чуть постарше моей Лизаветы.

...а как там мои? Блин, что-то в носу защипало.

Нюни отставить! Все проблемы решаются по мере важности и времени поступления. У нас что сейчас главное? Привести себя в порядок! Вот и будем лечиться.

На рассвете хмурого ноябрьского дня нас покинул счастливый Витька. Он все-таки добил главврача и получил разрешение на выписку. Наш артиллерист забежал в палату шумный, веселый, довольный. Серая шинель перетянута португеей, ушанка на затылке, вещмешок в левой руке. На краю газеты, что лежала на столе, карандашом написал номер полевой почты. Крепко меня сжал, так что я охнул от боли в боку, потом обнялся с Пашкой.

– Вы мне пишите! Обязательно пишите, – потребовал он. – Только я вам отвечать буду редко, я сам писать не люблю.

Потом повернулся к вошедшей МедФедоровне, наклонился и поцеловал ее красноватые ладони.

– Спасибо вам, Мария Мефодьевна, – сказал он улыбувшись.

– Счастливого тебе, Витя...

Витька махнул нам на прощание рукой и рванул по коридору, как будто боялся, что сейчас передумают и его снова возвратят на койку.

– Дай бог тебе вернуться... – чуть слышно сказала МедФедоровна вслед и тихонько его перекрестила... Потом промокнула глаза и приняла серьезный вид.

– Журавлев, давай на перевязку, – сказала и вышла из палаты.

Настроение у Паши испортилось на весь оставшийся день. Даже радио не пошел в холл слушать вечером. Я ему компанию составил сходить покурить. Пашка зло дымил папиросой и отстраненно смотрел в глубь заснеженного парка. Мне не хотелось его отвлекать или тормозить. Пусть успокоится, потом поговорим «за жизнь». А так я просто дышал морозным вечерним воздухом. У него особенный запах. Такой бывает только в начале зимы. В нем есть надежда на метели и морозы, на Новый год, на лыжные прогулки и на что-то такое щемящее и неуловимое из детства. Даже Пашкин дым его не портил. Да и само курево имело более приятный аромат, чем та гадость, к которой я привык в свое время.

Пашка добил второй «ствол» папиросы и кинул «отстрелянную» гильзу в мусорку. Как-то горько вздохнул и двинулся «домой», в палату. Поднимаясь по лесенке, на мою попытку помочь буркнул: «Я сам». После того как мы поднялись в палату, он уткнулся в «Красную звезду». На все вопросы отвечал односложно, не поворачиваясь. Чувствовалось, что у парня кошки на душе скребли.

Три девицы под окном... Не, не прями поздно вечерком. Делали вечернюю обработку в процедурной. Мне и двум ребятам из солдатской палаты. На этот раз к нам еще «заглянул на огонек» (как это он его увидел через одеяла светомаскировки?) какой-то пожилой дядечка профессорского такого образа. Прямо как с картинки из древнего номера «Мурзилки» – всем известный математик, академик Иванов. О чем-то поговорил с нашими милыми тетушками (блин, больно же! Это левое полупопие, в которое так немилосердно всадили иглу). Потом уделил мне внимание.

– Нуте-с, молодой человек, как мы себя чувствуем?

– Хорошо, но хотелось бы лучше. Пока я тут своим мягким местом испытываю остроту медицинского оборудования (укоризненно посмотрел на тетеньку, которая возилась со шприцами), там ребята за меня мою норму боезапаса фашистам сверху вываливают.

– А, так это вы будете тем легчиком, который изволил удариться головой. И как же это вас, батенька, угораздило?

– Я не специально! Меня заставили!

Кажется, студенческие приколы конца девяностых вызвали у уважаемого медработника легкую оторопь.

– Как?! Кто же это заставил вас стучаться головой?

– Да те муд... в смысле мужики, которые на «мессерах» нам на хвост сели! Пид... Паск... Су... Фу-у, то есть очень нехорошие люди! Вот я и хочу им должок вернуть. А то как-то нечестно получается.

– Что именно, мой драгоценный, по вашему мнению, нечестно?

– Честно будет, когда я им в жо... то есть в расположение войск десятка два «соток» доставлю. Лучше ФАБов, но могу и осколочных. Эрэсы... (Ай, укусить себя за язык, – эрэсы пока относятся к секретному оружию.) В смысле остальной боезапас тоже им же хотелось бы «принести». И поточнее эдак, чтобы процент поражения целей был повыше.

– Ну что же, с чувством юмора у вас все в порядке. А теперь покажите-ка язык. Так. Еще. Как можно длиннее. Голова больше не болит?

– Да она и раньше не очень-то болела. Башк... То есть голова сначала кружилась, но это уже давно прошло.

– Хорошо. Тэк-с. Следим за молоточком. Только глазами. Молодец. Стисните зубы – вот так сделайте.

– У меня же все почти зажило. Может, теперь можно отпустить?

– Отпустим-отпустим, непременно отпустим... Так, хорошо... Снимите пижаму... и рубаху тоже снимайте. Вы что же это, мой милый, такой худющий? Нет аппетита?

– Нет аппетита – без аппетита все летит. В смысле, что аппетит-то как раз присутствует в полной мере, а вот с его насыщением некоторые проблемы. Я, конечно, понимаю, что нам, как ранбольшим каши положены, но как же хочется щец! Да с потрошками! Или «одно свиное отбивное»! Я даже на колбасу согласен. И на яишенку. Глазунью... Вот чтобы так шкварчала на сковородке... Еще чтобы желточек не перестоял – жиденький был. А мы его чуток посолим и с черным хлебушком! С мягоньким! И горбушечкой маслице подобрать!

– Как вы, молодой человек, вкусно рассказываете! Мне даже самому захотелось. Посмотрите-ка сюда. Теперь так. Веки придержите. Дайте-ка я сам. Хорошо. А со сном проблемы были?

– Да нет, не жалуюсь. И никогда не жаловался. Хотя нет – вру. Жаловался на то, что всегда не хватало. Тут вроде как уже отоспался.

– Сны вам какие снятся? Кошмары бывают? Неприятные сновидения, например?

– Сейчас нет, а вот раньше в школе, бывало, снилось, что у доски стою и сказать ничего не могу. И вот ведь урок знаю, а начать отвечать – как будто рот зашили. И учительница сердится. А ребята уже смеяться начинают.

– Хорошо... Так-так. Головой поворачивайте. Теперь в разные стороны. Теперь смотрим вот сюда... Ну что же, батенька. Вот что значит молодой организм.

– Выписываете? Да?

– Какой вы скорый, молодой человек. Пока я могу отметить положительную динамику, но лечение еще надо продолжить. Тем более к вам, мой драгоценный, еще есть претензии у хирурга.

В общем, мило мы так побеседовали. Мне тот Айболит весьма понравился. Вот не удивлюсь, если выяснится потом, что у него была богатейшая практика еще до революции.

– Скажите, а кто это приходил? – поинтересовался я потом у наших медиков.

– Да ты что, не знаешь? Это же сам ***** ский! Он, вообще, из центрального военного госпиталя! Его наш начальник иногда приглашает, как своего хорошего знакомого. У нас же такого специалиста просто нет.

– Бл... в смысле «блин»... А я человеку уши заливаю со своей яичницей! Ему же через пол-Москвы теперь добираться. Вы его хоть на дорожку покормили?

– Да ты чего! Он только чай у начальника попьет, и все. Говорит – не имею права вас обедать – я состою на полном довольствии у себя в клинике.

Как и обещал «профессор» (вот не удивлюсь, что он вообще-то академик), мы встретились еще пару раз. Очень мило беседовали на разные отвлеченные темы. Он меня приветствовал словами «Мой пылкий д'Артаньян», а я его звал «товарищ военврач». Доктор отмечал положительную тенденцию и благожелательно отзывался о своих коллегах из нашего госпиталя. Каждое следующее посещение было все короче и короче. При этом уважаемый военврач выглядел все более усталым.

При нашей последней беседе я не удержался от того, чтобы предложить ему недельки две отдохнуть на природе – побегать на лыжах, отоспаться... Да и откормиться бы ему не мешало. На что он грустно усмехнулся и сообщил, что обязательно так и сделает, но после Войны. И еще сообщил по секрету, что всегда предпочитал коньки.

Нашими новыми соседями стали два танкиста. Один из-под Волоколамска, где он участвовал в боях, а другого перевели из полевого лазарета откуда-то из-под Тулы.

Димке Лихолету повезло – когда в его легкий танчик прилетела болванка, он успел выскочить из горящей машины. Его механик так и остался навсегда «в броне» возле крошечной деревушки под Волоколамском.

Второй танкач – Васька – подхватил простуду в составе маршевой колонны, когда шел к фронту. Ни остановиться, ни сдать взвод, ни просто обратиться в медпункт он не мог. Лечился народными методами – «наркомовскими», благо бойцы ему еще понемножку отливали на вторую пайку. На этом его беды не закончились. Как-то, спрыгивая с машины, Василий умудрился повредить стопу. На первой же большой остановке комбат, видя качающегося взводного с красной мордой, решил его сначала расстрелять, потом хотел сдать в трибунал. Когда разобрались, то Ваську отправили в медпункт, а к нам попал с подозрением на воспаление легких и перелом. Дохал он постоянно. Всё как положено – сухой трескучий кашель. Если не воспаление легких, то бронхит парень точно заработал. Вдобавок к костяной ноге.

Димка, держа на перевязи руку, прошитую шальным осколком, теперь составил компанию Паше в игре в шахматы. Из-за того, что у него были обожжены ноги, в качестве низа больничного одеяния ему выдали короткие (обрезанные) синие пижамные брюки. Он заявил, что теперь снова стал юным пионером, поскольку такие короткие штаны носил только в пионерском лагере, а на его улице одевать шорты было «западло». МедФедоровну и врачей на обходе приветствовал дурашливым пионерским салютом здоровой рукой. Если его куда-либо отправляли – на перевязки или на процедуры, то неизменно отвечал: «Всегда готов!»

Однажды МедФедоровна зашла в нашу палату с каким-то небольшим ящичком.

– Так, сынки, – строгим тоном произнесла она, оглядывая население нашей палаты. Обычно после такого вступления следовал разнос за нарушение правил нахождения в лечебном заведении. Особенно доставалось Пашке за курение в помещении. Но тут последовало неожиданное продолжение.

– Вам посылки прислали.

Какие еще посылки? От кого? Почему нам всем? Видимо, у моих соседей тоже возникла масса вопросов по этому поводу. Так что не я один «не догоняю ситуевину».

– Ребятишки собрали посылки для армии. Так что принимайте и угощайтесь. Не забудьте ответ написать.

Оказалось, что в это время существовала такая практика. Народ в тылу – пацанята, тетушки, рабочий люд, мужики, оставшиеся в деревне, – на свои кровные собирали посылки. Вышитые кисеты, теплые вещи, портсигары, сласти, курево и еще много разнообразных мелочей, которые вроде были и не очень нужны, но как-то согревали чем-то теплым и участливым. Собирали трудовые бригады, собирали пионерские отряды, деревни... Просто так, как своим. На посылке, вот как на нашей, обычно писалось: «В Красную армию. Бойцам и командирам». И еще вкладывалось письмо с напутствием. Обычно писалось что-нибудь типа «бейте врагов». Нам же в этот раз прислали пожелание выздоровления и скорейшего возвращения в строй. И как только узнали, что посылка будет направлена в госпиталь? Видимо, об этом тоже была надпись, но мы ее не увидели.

Как потом оказалось, посылок было несколько. Ребята из солдатских палат получили вязаные носки, носовые платки, мед в деревянном туеске приличного размера и холщовый мешочек с настоящими кедровыми орешками. Я еще с видом знатока сообщил парням, что оболочки орехов тоже вещь хорошая. А если сделать настой (на горячей воде, а совсем не на том, о чем вы подумали, хотя мне нравится направление ваших рассуждений), то будет очень полезно для внутренностей.

Нашей палате достались папиросы «Казбек» и какие-то плиточки, завернутые в коричневатую бумагу. Как оказалось, это был шоколад. Попытку тут же слопать все сладенькое жестко пресек хозяйственный Пашка. Он разделил поровну пачки папирос и плитки шоколада на четверых. Мои слабые возражения, что я типа некурящий, были встречены винтообразным движением указательного пальца у виска. Меня, как особо тупого, поставили в известность, что нам просто неслыханно повезло, что курево и шоколад стали своего рода валютой и что все-

гда пригодится. И что все это надо завернуть, отложить в тумбочки и беречь от возможного расхищения как зеницу ока.

Попыток написать письмо в ответ нашим дарителям я даже не предпринимал. Среди личных вещей и небольшой пачки документов у меня нашлась потрепанная синяя книжечка «КУЛП» («Курс учебно-летней подготовки»). Как только в ней встретил «эксплоатация» вместо «эксплуатация», сразу решил, что объемы деловой переписки будут значительно сокращены. Хотя странно – читаешь «Красную звезду» или «Правду» – язык и орфография очень похожи на наши. Только вместо твердого знака апострофы ставят на французский манер. Плюс ко всему еще обстоятельство – чем писать. Как-то в своей реальности потребовалось чертить тушью. Это был самый черный день в моей жизни во всех отношениях (тушь вдобавок плохо отмывалась). А здесь все писали пером, которое периодически макали в чернильницы. Боюсь, что это незамысловатое действие вызовет не только смех окружающих, но и некоторое подозрение. Хотя бы в том, что я не до конца выздоровел.

Написание ответного послания в небольшое село под далеким Новосибирском взял на себя Паша. А мы помогали советами.

Ну а меня ожидала военно-врачебная комиссия. Судя по всему, списать могли «вчи-стую», и это не радовало. Раны на ногах затянулись. Почти. Осталась легкая хромота на левую. Перелома ребер не обнаружили изначально – просто сильный ушиб. Может, там и было что-то еще, но врачам это в глаза не бросилось, значит, внимания обращать не будут. Оставалась только голова – как говорил врач в кино «...предмет темный и изучению не подлежащий». Томограф еще не изобрели, так что можно будет попытаться обмануть строгую комиссию. Башку и ножки мне разбинтовали, швы сняли. Шрам остался на краю лба и над ухом. Голова не болела, головокружений больше не было, тошнота предательской волной «из глубины души» не поднималась. Вроде как обошлось с башкой-то? Отлежался и снова в бой? Держать удар я всегда умел. Но когда никто не видел – пытался ровненько ходить по одной дощечке половицы. Вроде даже добился успеха и мог пройти десять шагов с закрытыми глазами ровненько и без боковых кренов и рысканья по курсу.

Все равно трясся. Когда открывал дверь маленького зала, куда меня сумрачным декабрьским вечером пригласили для осмотра, даже руки дрожали.

«Мандраж прекратить! Начинаем работать» – так говорил наш тренер. Вдох – резкий выдох, еще разок. Голову запрокинуть – помассировать шейный отдел до хруста – вернулись. Плечи – покрутить, покачать, бросить – расслабить. Руки опустить, встряхнуть. Теперь сконцентрироваться – собрать внутреннее тепло под солнечным сплетением. Тихонечко, пока усталые дяденьки и тетеньки в белых халатах разбирают бумаги на столе, выдыхаем – «а-а-о-о-у-м-м!» Все собралось в верхней части живота чуть ниже солнечного сплетения. Держим внутреннюю энергию. Еще немного... Кто-то устало подал команду – «раздевайтесь». Все, можно распускать энергии по каналам. Аж мурашки по спине, животу и по рукам побежали. Класс! Ощущения как перед выходом «на ковер». «Работаем!»

...У меня получилось! Движения были точные, быстрые и четкие. Нос пальцами достал, вытянутые руки не дрожали. По «дорожке» почти пробежал. На стуле с ручкой меня раскручивали и заставили еще раз пройти по дорожке: ничего – все тип-топ! Заметил удовлетворение в глазах невропатолога и, чисто из хулиганства, сделал «колесо». А вы сами попробуйте не в спортзале, а на ограниченной площади. Тут работает и глазомер, и координация движения и силовая – мышечная функционалка. Справки от «ухо-горло-носа» и окулиста к делу приобщили. Спасибо прежнему владельцу тела: у меня теперь нос – целый, не сломанный и зрение – единица. Ноги посмотрели, ребра проверили... Проверили давление и пульс. Тонометр у них забавный – в виде U-образной трубки со ртутью. Попросили поприседать и поотжиматься. Сделано – не вопрос! Потом снова мерили давление и пульс. Как у космонавта – 120 на 80 и 65.

Стою в трех шагах перед строгими врачами. Тяну улыбку, как Гагарин. А внутри – мышонки под плинтус забилась и дрожит.

– Комиссия в составе... принимает консолидированное решение... – В груди – «бух-бух», в голове «тук-тук». Улыбаемся! Держать лицо! Не дать дрожать коленкам!

ПРИЗНАТЬ ГОДНЫМ!

«...с принятием решения о продолжении летной практики комиссией при запасной учебной эскадрилье, в которую направить младшего лейтенанта Журавлева А. И. после прохождения курса лечения» – так было написано в «Заключении», полученном мной на руки.

«И-й-е-э-э-з-З!»

– Благодарю вас! Разрешите идти?

– Да, и следующего позовите.

Дверь закрыть. «Фу-у-у!» Отпустило. Ай, чуток повело влево... Ну-ка, ну-ка... снова собраться. Ребятам в коридоре тоже продемонстрировал гагаринскую улыбку и изобразил победный жест – «Рот-фронт! Но пасаран!» Кто-то даже завистливо вздохнул.

По большому счету мне просто повезло. Народу было много, врачи из комиссии уже давно работали без отдыха. Придираться и внимательно смотреть никто не стал. Ура! Можно начинать собираться. Если честно, госпиталь надоел как... ну как не-знаю-что!

Пашку тоже выписали. Мы с ним оба хромые, правда, он сильнее. Единственное, что его напрягает, то что его направляют в запасной полк, а не в родную часть на передовой. Пашка на прощание попытался научить меня играть в шахматы. Так без толку же! Эндшпиль – гамбит... Мы договорились на то, что после Войны обязательно поедем отдыхать на Юг, там встретимся и будем до одури играть на пляже.

Выписка

Утраченные элементы обмундирования нам выдали на складе. Шинель и часть вещей, как оказалось, приехали вместе со мной, остальное выдали б/у (но чистенькое и заштопанное). Паше досталась почти новая шинель, чему он порадовался. Выданные валенки были без калош, чем поставили меня в тупик – как их носить, если будет слякоть. Кто подготовил на складе все остальное и даже подшил воротничок к гимнастерке, я не знал, но попросил неулыбчивого пожилого старшину, который выдавал нам обмундирование, передать им нашу благодарность. На прощание также выдали сухой паек, а кроме того, расщедрились на шоколад и Пашкин любимый «Казбек». Положено это было по нормам довольствия или нет, не знаю. По мнению соседа, нас благодетельствовал кто-то из местных. С Пашкой «махнулись не глядя» – плитку шоколада на пачку курева. На всякий случай каждый сохранил чуток из своих запасов – помнили, что шоколад и папиросы стали лучшей меной и лучшим подарком.

Под расписку получили денежное довольствие. У меня тут же появился вопрос, куда девать эти здоровенные простынки, которые играли роль денег. Краем глаза покосился на Пашку, который привычно все скрутил – скатал и вложил в платочек, и сделал так же.

Оказалось, что после ранения и госпиталя положен краткосрочный отпуск. Паша хмуро сообщил о боях в районе Ленинграда и про то, что ехать ему, собственно говоря, некуда. Поэтому он собирался пару дней погулять по Москве, а потом отправиться к месту назначения. Его запасной полк был под Горьким. Пока мы не спеша собирали вещи и выписывали все документы, он мимоходом поворчал по поводу того, что комплект формы у нас неполный и что он собрался посетить военторг. Еще Пашка посетовал, что вещи, которые он оставил в прежнем полку, наверняка пропали или их раздали тем, кому нужнее. В этом мире Паша был моим проводником. Свою нездешность я маскировал как стеснительность и скромность. До военторга мы решили ехать вместе на метро. Ближайшей станцией были «Сокольники».

Итак, последний завтрак в госпитале. Потом мы спустились по боковой лесенке к каптеру, переоделись и прощаться в палату поднялись уже как настоящие командиры Красной армии. Пожали руки оставшимся ребятам, синхронно обняли с двух сторон нашу МедФедоровну. У нее снова глаза были на мокром месте.

– Смотрите, сынки, больше сюда не попадайте, – медсестра погрозила нам, как непослушным мальчишкам, потом обняла каждого и поцеловала в щеку.

Паша с его основательностью подробно разузнал не только дорогу до метро, но даже где находится лучший военторг. А также где находится ближайший. Я предложил еще посетить Красную площадь и ГУМ. Но потом, подумав, мы решили отказаться от этой идеи. Время было непростое – нарвемся на патруль, потом всю душу вытянут и в караулке промаринуют.

Ну все, мы попрощались со всеми и пошли по заснеженной дорожке парка по направлению к выходу. Ё-мое, а чего ж так холодно? Мы так не договаривались! После того как прошли КПП и попрощались, мы с Пашей одновременно опустили уши на ушанках. Пусть потом кто угодно рассказывает, а я теперь знаю – уже при минус десяти в шинели холодно, черт возьми! Это вам не пуховик и не зимняя куртка. Конечно, не конец света, тепло держится кое-как. Но я-то изнеженное дитя цивилизации! Вон – даже суровому воину Пашке тоже несладко. До «Сокольников» мы шли быстрым шагом с переходом на бег.

Станция встретила теплом и асфальтовым покрытием под ногами. В мое время полы заменили плитами под гранит-мрамор. А вот желтый кафель на стенах, серые четырехгранные колонны и решетчатый потолок точно такой же. Народу маловато. Даже как-то непривычно пусто. В вагоне тоже было крайне немногочисленно. Паша был первый раз в метро, и его интересовало буквально всё. Мы даже свою станцию чуть не проехали – он изучал полировку поручней, поверхность стенок вагона и пробовал на пружинистость диванчики. Остороженько так.

Остальные пассажиры были какие-то сумрачные и сосредоточенные. Особого внимания на нас никто не обращал. При встрече с другими людьми в форме ориентировался на Пашку – если он козырял, то и я с ним заодно. Если просто кивал, то и я тоже кивал.

Военторг приветствовал пустотой, тишиной и радушием двух пожилых продавцов и солидной дамы-кассира. Они снабдили нас всем тем, что требовалось красным командирам: безопасной бритвой с несколькими пачками лезвий (я взял тоже, может пригодиться), помазком, одеколоном, зубной щеткой (с настоящей щетиной), жестяной коробочкой с видом Спасской башни (там был зубной порошок), подшивным материалом (подворотнички – это для салаг), петличками и прочей фурнитурой, дополнительными ремешками к португее, пуговицам и много еще чем. Приобрели планшеты, куда в уголке магазина переложили документы, а то в шинель и в «сидор» лазить было неудобно. То, что обноски, выданные нам в госпитале, не соответствовали высокому званию лейтенантов РККА, было ясно и так. Купили штаны (похожие на галифе) – для меня даже нашлись синие – «летчицкие». Приобрели и тут уже в примерочной одели теплое белье. Еще обзавелись свитерами, а с Пашкиной подачи еще и теплую безрукавку приобрел. Шинели, несмотря на их поношенность, мы решили не менять – сэкономили.

И снова я смотрел на Пашку и брал его действия за основу. Летчики, как оказалось, были богаче, чем пехотные лейтенанты. И еще мне положено было денежное вознаграждение за боевые вылеты. (Ого! Я, оказывается, успел боевые вылеты сделать...) Жадничать у красных командиров, воспитанных в духе пролетарского равенства и братства, считалось плохим тоном, и я, не задумываясь, сунул бывшему соседу по палате целых (а может, «только») четырех рублей. Мы договорились, что он мне вернет после войны в Крыму вином и арбузами. Мою попытку купить ремень со звездочкой на пряжке (как в кино видел) Паша, как опытный товарищ, не одобрил. С его слов выходило, что будет неудобно застегивать и что сильно затянутый ремень мог порваться у шпенька.

– Это же для парадно-выходного. А ты вот с таким на пузе поползай – цепляется за все, и потом из него траву и землю замучаешься выскребать!

– Да у меня такой раньше был (ну, должен был быть). Я же на пузе не ползаю!

– Оно и видно – пижон! – Пашка никогда не упускал возможности мелкой подколки.

Продавцы, у которых наша пара была почти единственной клиентурой, помогали одеться и собраться. Советовали, отводили к зеркалу, ориентировали в выборе, подсказывали, что еще надо взять. Благодаря их заботе мы обзавелись блокнотами, тетрадками, чернилами в пузырьках из толстого стекла, карандашами и ручками-самописками. Я представил себе, что потом придется писать, каждый раз опуская перо в чернильницу, и купил еще одну ручку – про запас.

Хромовые сапоги (валенки привязали к вещмешкам) и настоящие кожаные перчатки завершили нашу экипировку.

Паша стоял перед зеркалом, время от времени поворачиваясь то одним, то другим боком.

– Во! Теперь на людей стали похожи. А то после госпиталя в гостинице появиться было стыдно.

А потом Пашка проводил меня до трамвая... Нам пришла пора расставаться.

– Может, останешься? Вместе по Москве погуляем, покажешь места, которые знаешь. Ведь ты же тут бывал, а я впервые, – еще раз напоследок пытался меня уговорить бывший сосед по палате. – И повод у нас есть поднять за содружество родов войск. А потом, через пару дней, вместе поедем. Нам же на один вокзал!

Расставаться совершенно не хотелось. Кроме того, что Пашка был просто классным парнем, для меня он еще к тому же стал проводником в этом мире. Но оставаться в Москве декабря 1941 года с ее проверками, патрулями и НКВД мне было реально страшно. Я бы засыпался на

первом же вопросе, а потом доказывай, что не диверсант. Это спасибо парням в госпитале – хоть ромбы (а не «ромбики») с треугольничками (а не «треугольниками») не путал. И узнал, что у меня на петличках не квадратики, а «кубари». Паша и Витька прощали мои «косяки», списывая на контузию, а то, что могли бы подумать другие военные, было нетрудно предугадать.

– Нет, Паш, не останусь. На вокзал-то нам на один, да на разные поезда. Твой скорый в Павлике {Павлик – устоявшееся просторечное наименование его жителями города Павловский Посад} не останавливается, а мой «пригородный» до Горького не идет. Да и своих стариков я последний раз только прошлым летом видел – обязательно надо проведать.

Звон подходящего трамвая заставил нас обняться на прощание. Потом Пашка хлопнул меня по плечу.

– Ну, давай, авиация! Станешь над нами пролетать – крыльями покачай!

– Заметано! Будем жить, пехота! – И я вскочил в последнюю дверь вагона. Трамвай тронулся и, набирая ход, поехал к Земляному Валу. Я стоял и махал своему товарищу в заднее окно вагона, пока остановка и Пашкин силуэт на ней растаяли в ранних сумерках. Я еще постоял, всматриваясь в заиндевшее окно, а потом пошел и присел рядом с кондуктором.

– До Курского сколько остановок? – спросил я у замерзшей тетюшки в черном пальто и сером платке с билетными роликами и потертой дерматиновой сумкой (или же клеенчатой?) через плечо.

– Я вам подскажу, – ответила она.

Мне предстояла контрольная проверка – встреча с родными Алексея Журавлева.

Старый Курский вокзал не впечатлил. Две тумбообразные башенки при главном входе и две такие же «афишные» тумбы на концах крыльев. Здоровенная пустая площадь перед вокзалом. В принципе на ней можно было бы разместить весь московский автопарк, который на тот момент был крайне невелик. За все время поездки от госпиталя встретились всего пара грузовичков (трехтонки? полуторки?). Вот и весь трафик. До знаменитых московских пробок еще лет 60 будет.

«Атриум», который потом возведут на этой площади, мне никогда не нравился – лучше бы оставили место для таксистов и для автобусов. А вот современный Курский вокзал с его размахом и простором все-таки лучше.

Расписание поездов повергло в тихий аут. Электрички шли только до остановки «Железнодорожной». До Павловского Посада, где, согласно документам, должны были жить «мои» родители, можно доехать на поезде (класс! всегда хотел покататься на настоящем паровозе!) за два с половиной часа. Это все мне объяснила строгая кассирша, выдавшая билет. Поезд был нескоро, и я решил где-нибудь перекусить, тем более что после нашего последнего завтрака в госпитале прошло уже полдня. Где перекусывают все пассажиры? Особенно если вокзальный ресторан закрыт. Правильно, в вокзальном буфете. Вот я туда и похромал. С одной стороны, зря переобулся в сапоги – ноги мерзнуть начали, с другой стороны – правильно, калош на валенках не было – сейчас бы наследил мокрыми лапами.

Ой, старый вокзал, а я тебя знаю! Половина Курского, которая сейчас обращена к поездам дальнего следования – это и есть старый вокзал. Как домой зашел. Вот туалет, вот зал ожидания, вот буфет. Все на своих местах. Только народу раз-два и обчелся.

Закон подлости – чего больше всего боишься, то и случается. Я нарвался на патруль. Трех военных с красными повязками заметил слишком поздно, чтобы куда-нибудь свильнуть. Так, спокойно. Небольшое волнение и легкое раздражение вполне допустимы – проверки никто не любит. Во всем остальном держимся так – я элита РККА, боевой летчик (до сих пор не знаю, насколько боевой), фронтовик, а они крысы тыловые.

Мужик с посеревшим усталым лицом и красными глазами – начальник патруля. Черные петлицы с алыми кубарями и танчиками. Шинель, португез (а пряжка со звездочкой, какую Пашка отсоветовал брать), в отличие от меня, с кобурой. И кобура была явно не пустой. Опа, а ребята-то не промах. Скользящим шагом два других «комендача» чуть продвинулись вперед и встали с левого и правого бока. Я оказался почти в коробочке. Ясно, резкие движения ближайшее время будут противопоказаны и крайне вредны для здоровья.

Козырнуть у нас получилось синхронно. Спасибо армейской подготовке – научили и форму носить, и выполнять строевые приемы. Хотя исторически летунам прощалась легкая расхлябанность.

– Старший лейтенант Семенов, комендантский патруль. Прошу предъявить ваши документы.

– Младший лейтенант Ца... Журавлев. Следую в краткосрочный отпуск после ранения и далее к месту назначения. – Блин! Плохая оговорочка. Эти ребятюшки могли вполне и зацепиться. На всякий случай бросил косые взгляды влево и вправо с недовольным видом. Выражать явно свое раздражение не следует, но показать, что мне их маневры понятны и не очень нравятся, тоже не мешает. Хорошо, что все документы переложил в новенький планшет. Щелк – и достал полную пачку.

– Пожалуйста, – сказал, протягивая документы старшему. Геометрия на петлицах благодаря ребятам из нашей палаты потихоньку стала проясняться – уже знаю, что по три «кубара» на петлицах – это старший лейтенант.

– Из какого вы госпиталя?

– Из **57-го, вон же справка. – Это типа я не понял, что старлей уже начал проверку. То есть на их сленге – «прокачку». Так сказать, просвечивает, как рентгеном.

– Причина госпитализации? – Старший патруля продолжает изображать работа-зануду. (Слово «робот» уже есть в обиходе?)

– Вот, – сдвинул ушанку на затылок и открыл красный рубец шрама, идущий от края лба до уха. – И еще по ногам досталось.

Тянуло, ну тянуло, ляпнуть: «...что, тоже показать?» Не стоит. Не поймут. И хамить не следует – мужики на работе и дело свое выполняют качественно.

Правый парень с «пилой» на петлицах (я даже знаю, что этот рядок треугольничков называется «пила» и у мужика звание – «старшина») не отрываясь разглядывал меня все время проверки документов. Левый просто фиксировал мои движения. Поза преувеличенно расслабленная, а сам как пружина на боевом взводе.

– Что-то у товарища летчика ремни больно новые, ...и сапоги тоже – не отрывая от меня взгляд, негромко сообщил правый старшему в патруле. Правильно засек. Сапоги, португез, перчатки, планшет «не вяжутся с легендой» – новенькие вещи в госпитале обычно не выдают. Что же, остается перед развернутым строем личного состава объявить благодарность Пашкиной жабе, которая заставила продавцов военторга выписать нам квитанции. Их потом можно учесть по прибытии в свою часть и компенсировать.

Квитанции и чеки из планшета перекочевали к старшему патрулю. Он их бегло проверил и вернул.

– Держите, – старший лейтенант протянул остальные документы, оставив себе только удостоверение, которое стал внимательно рассматривать еще раз. Я убрал все в планшет и ждал развития ситуации.

Старший патруля вновь просмотрел удостоверение, закрыл книжечку и протянул мне. При этом он глядел мне в глаза. Когда же я поднял правую руку навстречу, чтобы забрать документ, старший лейтенант неувимым движением отклонил «корочки» вверх, и моя рука повисла в воздухе. Ха, да видели мы такой прием. В моей реальности гайшники любили так «права» «возвращать» после проверки. У наших еще ловчее получалось – вообще кистью

могли крутануть – вот они твои «права» – а не возьмешь – оп, их нет. В наше время после этого фокуса обычно предлагалось предъявить страховку и «техосмотр», а потом еще и огнетушитель, буксировочный трос, знак аварийной остановки, а также аптечку. У нас так «на бабки разводили», а здесь, чувствуется, так диверсантов и дезертиров ловят.

Медленно опускаю руку. Чуть добавим раздражение – а то будет как «не по-настоящему».

– Разрешите осмотреть вещмешок. – Старлей-танкист не просит разрешения, он требует.

Ну что – давай, встань «в позицию», начни «качать права». Заяви этим мужикам, на которых, может быть, три часа назад дезертир с ножом прыгнул, что это требование, по моему мнению, несколько превышает их полномочия.

Правда, танкист смягчил ситуацию.

– Пожалуйста, – добавил старлей и чуть улыбнулся. Все – норма. Рамки приличия соблюдены. Он командир – и я командир. Но обстановка и время обязывают его действовать именно так. Откуда-то всплыло: «Москва на осадном положении». А мое удостоверение, видимо, уже у него в кармане – руки старшего лейтенанта снова свободны. Вот же «фокусник» на мою голову!

Хамить, ругаться, препираться не будем – на это сколько времени уйдет! И нервишек, которые потом если и восстанавливаются, то очень долго и на хороших курортах. Мне вообще-то скорее от этих мужиков нужно отвязаться и бежать в буфет, а им диверсантов и дезертиров ловить надо, а не проверять направление звездочек на пуговицах. Три неторопливых шага в сторону и молча ставлю «сидор» на лавку зала ожидания. Петлю ремней – снять и откинуть, теперь раскрутить и распустить завязку, раскрыть верх мешка. Шаг в сторону. Смотрите – чего мне скрывать? Буханку хлеба и три банки тушенки? Видите, вот обноски из госпиталя, которые в военторге выбросить не дала моя персональная жаба (Пашкина тоже уперлась)? Вот книжка Толстого с его лучшими вещами «Аэлита» и «Гиперболоид». Я ее честно стащил в госпитале – она там валялась; а наши бедовые воины могли на самокрутки извести или на туалет. Теплые носки, запасной комплект белья, мыльно-бритвенные принадлежности, завернутые в новые байковые портянки (еще раз спасибо военторгу) – составляют весь невеликий скарб молодого лейтехи. «Все свое ношу с собой» – не помню, как это будет по-латыни.

Левый патрульный, кажется, старший сержант, бегло проверил содержание вещмешка. Старлей профессионально фиксирует выражение моего лица, правый патрульный переключился на контроль моего поведения.

Молчим...

У меня начинается легкий мандраж (а может, и не легкий, а может быть, и «паника»): Ну чего прицепились? Вот ща начнется – «...прошу пройти для личного досмотра!» Тогда я точно «спекся». Если действительно станут крутить по полной программе, то засыплюсь на элементарном незнании текущей реальности. Можно, конечно, валить на контузию, но о синих штанах придется забыть. В лучшем случае – пошлют рядовым в пехоту. А могут и в «дурке» запереть, если сразу как диверсанта не хлопнут. Что же я не так делаю? Вот чего они сейчас меня разглядывают, как барыги древнюю икону?

Перевожу взгляд на старшбго. А-а-а, пока я наблюдал, как мои шмотки проверяют, он мое удостоверение возвращает. На этот раз без подколок.

– До свидания, счастливого пути. – Прямо как гаишник на дороге. Ну а с другой стороны – мы же на вокзале.

Козырнули.

– Спасибо. Удачи.

Ага, мужики тоже оценили – хмуро улыбнулись.

Ну что, проверка пройдена? И все? Фу-у-у, пронесло. А может, Пашка был прав, и стоило в Москве на пару дней зависнуть. Хотя... Не, ну его на фиг – сердце чуть не выпрыгнуло, и голова разболелась. Прямо как пенсионер с давлением. От проверок лучше подальше – спокойнее жизнь будет. И вообще – меня буфет ждет.

Дорога домой и знакомство с самим собой

Гастрономическое разнообразие буфета (пирожки, бутерброды, сосиски, котлеты) грозило нанести непоправимый урон моему бюджету. Позабавило, что пиво стоило почти три рубля, а чай с сахаром и лимоном – почти десять. Зубоскалить и спрашивать латте, капучино или эспрессо с американо не стоит – буфетчица хотя и пыталась профессионально натянуто улыбаться, но уж как-то не очень весело. И вообще – ну и цены. Хотя в аэропортах и на вокзалах всегда все в два-три раза дороже. Ограничился чаем с пирожком на месте и двумя пирожками с бутылкой пива – в дорогу. Ну нет у них ни кока-колы, ни «Аква-минерале», а пить захочется – что делать буду?

Поезд и свою платформу искал полчаса – никаких табло, никаких объявлений. Хорошо, хоть люди добрые подсказали. Паровоз так и не увидел – состав уже стоял у перрона, когда я зашел в полупустой заиндевевший вагон. Похоже на старую электричку, только места поменьше и как-то теснее. Блин, мне в этом холодильнике два часа ехать! С ума спрыгнуть! РЖД (или как их там сейчас) совсем опупели со своей оптимизацией расходов, – никакой заботы о пассажирах! Монополисты хреновы! Нет на вас свободного рынка с человеческим лицом доброго упыря!

Минут через десять я решил, что возвращаться в госпиталь с воспалением легких – это дурной прикол и сменил сапоги на валенки. Свитер и безрукавка усилили теплозащитные свойства шинели. Что еще можно делать для согревания? – только поднять воротник и опустить уши у шапки. Хорошо еще, что в госпитале ушанку дали. А то выдали бы буденовку – и что тогда делать? Пришлось бы разоряться в военторге на новый головной убор. В качестве дальнейших мероприятий по согреванию предусматривались физические упражнения. Купленное пойло надо использовать скорее: теплое пиво – гадость, но замерзшее пиво – гадость в кубе: грызть можно, а вытряхнуть из бутылки – нельзя.

Что будем делать ближайшие два часа? Будем продолжать углубленно знакомиться с личностью меня самого – Лехи Журавлева. Документы, еще документы, письма... Три фотографии... Что, есть невеста? Нет?

Фото с картонной подложкой изображало предвоенное семейство – стоящий серьезный и основательный мужчина средних лет с усами и в пиджаке, рядом сидит на стуле приятная, чуть полноватая женщина в кофточке и беретике с девочкой на руках. Под девчушкой можно было бы подписать – шалунья, кокетка, непоседа и общая любимица. По бокам два паренька. В том, что постарше узнал свое еще более молодое изображение. На обороте надпись «Москва. Июнь. 1938 год». Предположу, что по случаю хорошего выходного дня или отпуска семейство приехало в столицу погулять. Заодно и зашли в фотоателье. Потом одну из карточек молодой курсант, видимо, забрал с собой на память о доме. Начал рассматривать второй фотоснимок (любительский), который изображал небольшую группу парней в военной форме возле какого-то дома с колоннами. Во втором ряду с левого края нашел свою улыбающуюся физиономию. На обороте: «Клуб нашего военного городка. Август 1940 г.». На третьем снимке (весьма-весьма любительском – резкость поплыла не только по краям, но и ближе к центру) рассмотрел обнявшихся ребят в большой светлой комнате с кроватями в ряд. У двоих из них были очки. Это точно не военные... Для пионерского лагеря ребята слишком взрослые. Отгадка нашлась на обороте: «Студенты-химики в общежитии «имени монаха-химика Бертольда Шварца» первый курс. Сентябрь 1938 г.». У писавшего с чувством юмора и знанием советской литературы было все в порядке. А чья это примечательная рожица? Так выходит, я еще и в химическом институте успел проучиться. И в этой реальности тоже... А как же я стал летчиком? Что-то по срокам не вяжется. В институте даже тогда учились не менее лет пяти. Наверное, Алексей Журавлев

буквально воспринял лозунг «Комсомолец – на самолет!» и не стал инженером-химиком – переквалифицировался в авиаторы. Ничего, после войны станет. Может быть... Если повезет.

Документы... Летная книжка... Выписка из личного дела... Аттестат продовольственный... Комсомольский билет. Хотя что-то похожее на то, что было и у меня. Э! А почему в билете только два ордена на первой страничке? Боевое и Трудовое Знамя. А, вспомнил... Остальные будут потом, а орден Октябрьской Революции вообще только в семидесятом году. Фотка в комсомольском билете была как копия из другой реальности. Вот ведь бывает же!

Письма...

Несколько писем от «матери». Для Журавлева без кавычек. Беспокоится о здоровье, просит не рисковать (где же я слышал – «летай пониже»?), вопросы о быте, про кормежку в столовой. Потихонечку сообщает о делах дома. Глава семейства просился в армию, а потом в ополчение, но его не пустили. Он продолжает работать на фабрике. Младший брат присылал письма из училища, что у него все в порядке. (Это хорошо, что пацан не попал в мясорубку 41-го. Если ускоренным выпуском не бросят на фронт, то, может, минуют его Крым, Харьков и Сталинград. Дай бог этому пареньку...) Ниночка учится в школе и по вечерам помогает матери в госпитале. Судя по письмам, жизнь в тылу весьма несахарная, хотя напрямую об это не говорится. Весточек от «любимой» не наблюдается. Думается, за отсутствием таковой.

Подводим итоги жизни того парня – Алексея Журавлева, с точки зрения этого парня – Алексея Цаплина.

Уроженец Московской области, города Павловский Посад.

Семья: отец (Журавлев Иван Прохорович), мать (Дарья Никитична) и младшая сестренка (Ниночка) живут там же. Младший брат (Александр) – курсант военного училища где-то в районе Ярославля.

После окончания школы поступил в московский институт на инженера-химика. (Явно не МГУ, а вот какой? Неужели тоже родная Менделеевка?) В институте начал заниматься в аэроклубе Дзержинского района. Овладел пилотированием У-2. После окончания первого курса в 1939-м зачислен в Оренбургское летное училище. Освоил Р-5, Р-з и И-15. После выпуска в мае 1940 года направлен в смешанную авиадивизию. Принимал участие в боевых действиях с июля 1941 года. Сделал несколько вылетов на Р-5 на штурмовку войск противника. (Ага, самоубийца.) Переподготовка. Три боевых вылета на Ил-2. ** октября 1941 года при возвращении с задания атакован и подбит истребителями противника. Совершил аварийную посадку на аэродроме ****. Направлен в госпиталь. Находился на излечении в госпитале № **57. Предоставлен краткосрочный отпуск на Родину. Предписание № *** ***** от ** декабря 1941 года: прибыть в распоряжение 1-й учебно-тренировочной эскадрильи запасной авиационной бригады. Слава богу, это на Щелчке! Добраться от Павлика до Щелкова – пара часов. Правда, в мое время и на машине, если трасса будет без пробок. Стоп, а в этой реальности как?

Ладно, что имеем? Собственную «длиннющую» биографию молодого парня возраста двадцати лет примерно осмыслил еще в госпитале. Не понял тогда только отдельных деталей, что же произошло тем черным днем в конце октября 41-го? Я-то в ноябре на своей «шестерочке» столкнулся «в лобовую» с каким-то придурком, а этот парень получил «железок» от «мессера» и потом еще приложился головой при аварийной посадке. И высшие силы зачем-то решили меня закинуть сюда. Взамен Лехи Журавлева, который, видимо, не смог вытянуть свой последний бой...

Что в дальнейшем выдающегося должен был сотворить этот парень, я не знал. Может, только он смог бы «накрыть» что-то важное (например, залепить эрэс в какую-то «шишку» типа Манштейна или Гудериана), и это могло изменить течение событий. И вот теперь я должен сделать то, что он не сумел... «За себя и за того парня».

Но ведь я – это я; я же – не он. Я никогда не жил в Павлике. У меня не было сестренки и брата. И эти люди – не мои родители. Мне вообще надо на наш корпус новое «железо»

у начальства выбить! А потом... Да мы с Василичем... Наши мужики тоже впрягутся, чай не пальцем деланы! Мы точно к Новому году объем вала подняли бы и «провал» по выпуску компенсировали! А еще я обещал Красотуле на антресолях разобраться, и зимние вещи уже можно доставать... И на «шахе» антифриз из радиатора начал подкапывать – надо будет на выходных покопаться... Отцу шарф мохеровый в универмаге присмотрел... У меня же все там... ТАМ – дела, завод, семья! Там моя Машенька уже с ума сошла. И как Лизке объяснить, куда я пропал. А что там родители... Мрак. От безнадёги выть хочется.

Прекратить! Всё! Я сказал: «Всё»! Хватит.

Пробегишь взглядом по промерзшему вагону, еле-еле освещенному синеватым светом. Что, тут у всех веселый жизнерадостный вид? Они что, все сытые-пьяные, им тепло и комфортно? Вон на соседней лавочке-скамеечке тетушка и девчоночка друг к другу прижались, но все равно дрожат. Вон мужик в окошко смотрит – воротник драпового пальтишка повыше поднял. Лицо у него серовато-белое, только нос красный. В глазах, пялящихся вслепую в замерзшее окно, такая тоска, что... Лучше и не спрашивать, что у него случилось. Эти люди уже знают, что такое «похоронка». Знают, что значит «отovarить карточки» и что будет, если с этими карточками что-нибудь случится. Они уже знают, что война кончится не завтра и не следующим летом. Они знают, что такое работать по двенадцать часов без выходных и праздников.

Выходит, что я должен стать таким же, как они. Даже лучше. Чтобы через пару месяцев вылететь на фронт. И там можно хоть сдохнуть в тесной кабине «Ила», но я просто обязан сделать то, что не смог реальный Лешка Журавлев... И совсем не обязательно, чтобы потом его или моим именем можно будет назвать улочку или кораблик. Надо просто честно воевать. Мне. И за себя, и за него.

Ну что за чертик саркастически поет в моей больной головушке: «Ага, летчик-налетчик! А ты самолетом-то управлять умеешь?» Блин, надо будет – сумею! Вон, у меня еще время в запасной учебной эскадрилье будет! А еще я на самолете в Адлер и Геленджик летал. Даже слово самолетное знаю – «рулежка». И вообще, у меня даже джойстик дома на столике стоял – я в «Ил-2 Штурмовик» играть умею!

Сумерки за вагонным окном превратились в полноправную ночь. Часы на руке отсутствовали – и купить не догадался, да и негде было. (Ага, еще бы поплакался, что зарядка на мобилнике села.) Лампочки под потолком имелись, но светили еле-еле. В дырочку, которую проковырял в ледяном наросте на окошке, были видны только снег и темень. Ни одного огонька. И где это мы сейчас едем? Последние полчаса дороги провел в тамбуре, выглядывая на каждой остановке. Заодно и немного попрыгал, чтобы согреться.

Свою станцию угадал благодаря водонапорной башне, которая стояла у платформы. Теперь через пути – и я на вокзале. Интересно, здесь введен комендантский час? В этом случае придется ночевать в вокзальном помещении.

Ну что за невезение – снова прилетела волшебная птица обломинога: двери закрыты. И спросить не у кого. Ладушки, взваливаем «сидор» на плечо и хромаем по заданному адресу.

Редкие прохожие, спешащие по делам и по домам, темнота, снег. Улицы расчищены только в центре, прошел три квартала и совсем все: тупик – замечено. Ветер улегся, так что можно хоть нормально вперед смотреть. Легенький снежок то начинает лениво падать, то прекращает. «Скрип-скрип» – давя валенками снег под ногами. Еще пару домов, и вроде надо будет поворачивать налево. Это знание мне от прежнего Лехи Журавлева досталось? Интересно, какое у него там, в школе, было прозвище? Топаем. Уже совсем никого не видно на улице.

Ночь, тишина, темнота – ни одного огонька вокруг. Только снег скрипит под валенками.

Я так и не понял по поводу комендантского часа в Павлике. До фронта не так уж далеко. С другой стороны – чего его здесь вводить, это же не осажденная крепость. Городок объединял несколько рабочих поселков и пяток деревенских районов. Патрулей, во всяком случае, не встретил – ни армейских, ни милицейских. Или как будет на это время правильно? энкаведэшных?

Что-то беспокоило на душе. Может, из-за того, что редкие прохожие вообще исчезли с улицы. Вот личный пистолет в кобуре добавил бы уверенности. Однако из прежних вещей Лешки Журавлева мне досталась только шинель. «ТТ» (ведь летчикам выдавали «ТТ», а механикам – «наганы»?) так, наверное, и остался в «оружейке» ШАПа. Хорошо, что в суматохе отправки и погрузки хоть документами и деньгами снабдить не забыли.

К месту припомнил байки старшего поколения о тех «веселых» временах. Может, в архивах и старых сводках не все сохранилось, но я слышал рассказы дедушек-бабушек про такие случаи. Самый последний был, кажется, осенью 45-го. За околицей деревушки, которая впоследствии стала нашим пригородом, зарезали солдата, возвращавшегося с «трофеями» из Германии. Ему до своей калитки три двора оставалось. И толку, что тех бандитов потом все-таки нашли? Человека-то не вернуть.

Ну и что мне-то делать в возможной ситуации? (Посмотрел по сторонам, потом оглянулся. Черт побери, вполне возможной ситуации.) Зарычать? Убежать? Или сказать, что мы с ними одной крови? Прикинул и так, и эдак. И принял бесповоротное решение – бежать не буду (да и куда тут убежишь), буду отбиваться. Три банки тушенки в «сидоре» вполне могут превратить вещмешок в кистень. Помню, в девяностые «Московский комсомолец» писал, как рьяная бабулька сеткой с консервами пару гопников так отоварила, что один даже в реанимацию загребмел. Правда, я не старушка, но еще надо посмотреть кто из нас сильнее: она или бравый летчик после госпиталя, весящий 62 кг. Да и зимняя одежда будет гоблинам какой-никакой защитой.

И что дальше было бы? Надо налетчиков арестовать и сдать в милицию? Ага! Так бы они и арестовались. И еще неизвестно кто, кого и куда бы сдал, – я их в милицию или они меня на кладбище. Вот если еще «повезет» нарваться на дезертиров, и у них бы при себе короткоствол будет или обрез? Тогда уже гораздо проще и неинтереснее: «пиф-паф» – и трупик лейтенантика обнаружат по весне, после того как сойдет снег.

Хм. А как бы себя повели урки? Они же не на всех военных отпускников охотились – наверное, просто выбирали одинокого прохожего, за счет которого можно пожить. А тут как раз я весь такой красивый и с мешком. Почти как Дед Мороз. Вот они могут захотеть подарков. То есть забрать. С небольшим применением мышечных усилий.

Чего я себе мозги накручиваю! На текущий момент вообще-то должен действовать закон военного времени. Нападение на военнослужащего. В форме. С явной целью грабежа. Я ничего не упустил? Кажется, им «вышак» светил бы «как с куста», а лейтенантику в моем лице – благодарность от органов за устранение маргиналов. Или все, что читал – смотрел в кино про эти суровые времена, – полная фигня?

К сожалению, в моей реальности за такие действия военнослужащему как минимум пришлось бы долго и тоскливо разбираться с правоохранителями, а с такой справкой из госпиталя, как у меня, еще и с добрыми внимательными психиатрами. В принципе и в этой реальности, наверное, тоже. Хорошо еще, если в агенты Абвера не запишут. Короче, в случае стычки с любым исходом не видать мне ВВС РККА как своих ушей. С одной стороны, это даже хорошо – процент бомжей (или как их тогда называли?), переживших войну, был гораздо выше подобных показателей среди летного состава.

А с другой стороны? Гордиться тем, что «отмазался» от фронта? Нет уж, дудки. Выпрут из ВВС – все равно пойду воевать, пусть даже и рядовым. По специально-прикладным навыкам я любого местного солдашонка за пояс заткну. А еще имеется опыт работы в ЧОПе, где

меня натаскивали отставные волчары из милиции. (Надо же было на что-то жить студенту. Правда, постоянно не высыпался, работая по ночам и в выходные.) Мне бы только откормиться и «подкачаться»... Леха Журавлев (здесь его все-таки, видимо, звали «Лешка» – для «Лехи» уж больно тщедушен) впечатление богатыря не производил. А уж после госпиталя и подавно.

Хватит об этом! Шире шаг! Меня «дома» ждут.

Дома? Будем считать, что дома

Улица Карповская. То, что сейчас называется «частный сектор» или индивидуальная застройка. Почти везде одноэтажные домики с заборчиками и палисадниками (скромненькие, очень скромненькие). Иногда встречаются забавные двухэтажные – нижний этаж кирпичный, а верх – деревянный. Ух ты! А это что за архитектурное излишество с тремя цыганскими башенками? Наверное, дом какого-нибудь купца, построенный еще до революции. Наезженная колея посередине улицы. По бокам дороги угадываются заметенные снегом канавы. Едва протоптанные-прочищенные дорожки к калиткам. Темнотища – народ соблюдает светомаскировку. Угадывается присутствие людей только по жиденьким дымкам из труб на крышах. Улица детства и юности Лехи Журавлева. Судя по всему, мне в эту калитку. Ни звонка, ни веревочки... И чего теперь делать? Кричать: «Ау! Откройте?» Ну что за проблемы на ровном месте... Ба, а калиточка-то не заперта. Военный коммунизм, на дверях ни запоров, ни замков...

Прочищенная и чуть протоптанная тропинка привела от калитки до веранды. Видимо, так и попадают в этот дом. Вдох и резкий выдох. Спокойно! Команда была – «успокоиться»! Лучше, чем нервничать – вон валенки обстучи и обмети веничком, чтобы не наследить. Стучим. И еще раз – громче...

– Кто там? – удивленный и встревоженный женский голос. Приятный. Говорит чуть нараспев. Это мать? В смысле, мать Лешки Журавлева?

– Это я, Алексей. – Блин, а ответ-то вырвался на автомате. Всегда так говорю, когда по телефону звоню родителям или по домофону. Хорошо, что хоть имена совпали.

Тишина. Потом шуршание.

– Кто там?! – Уже мужской голос. Строгий такой, почти суровый. Чуток хрипловатый. Человек в возрасте. Видимо, отец.

– Да я же это! Мне отпуск на десять суток дали!

За дверью что-то зашуршало и пару раз стукнуло. Раздался скрип, и одна створка открылась...

На пороге появился мужик, изображение которого я видел на фотографии. Освещение плохое, но заметно, что сейчас он выглядит лет на десяток старше. И порядком поседевший. На плечи накинута телогрейка, в левой руке дырн, видимо, тот, на который в это беспокойное время запирали дверь. За ним стояла женщина с керосиновой лампой в руках. И ее я тоже видел на семейной фотографии Лехи Журавлева. Сейчас вместо берета у нее на голову и плечи был накинута темный платок.

Надо предъявить рожицу для опознания. Ушанку снимаем.

– Журавлевы здесь живут? – Это я так – пошутить чуток решил.

– Алеша! – Женский вскрик с чуть пробившимися слезами полон радости. Можно было перейти в позицию «вольно» – меня признали...

Потом был скромный поздний ужин. Пригодился сахар, заныканный в столовой госпиталя, и пирожки, приобретенные в буфете. Лишняя плитка шоколада, которую я у Пашки махнул на папиросы, тоже пришлась ко двору. Ниночка оказалась старше, чем была изображена на фотографии. Она вытянулась и похудела. Пышные кудряшки, которые я видел на фото, превратились в косички, затянутые черными ленточками. Сначала сестренка дичилась и не знала, как себя со мной вести. Потом понемножку оттаяла. Сухпай семье пригодится. Очень пригодится. Мои (в этом измерении реально «мои») родственники не голодали, но и досыта ели, чувствуется, не всегда. Этих людей война уже задела своим черным крылом. Они постарели, осунулись. Если можно так выразиться, посерели. Как будто из них и вообще из всего этого мира какой-то злобный тролль вытянул яркие радостные краски. Рассказывал им про

госпиталь. Про фронт что я мог поведать? Понемножку то, что читал и смотрел в кино. Совершенно точно, что никто из бойцов, которые вернулись (кто на побывку, кто по инвалидности) с фронта, не станет трепать про то, что там было на самом деле. Моя скупость в рассказах (летал, стрелял, кидал бомбы, подбили, дотянул до своих) принималась как должное. Как ребята? Как Семка и Валька, мои друзья, с которыми учился в Оренбургском училище? Врать не хотелось. Сказал, что все хорошо, все нормально. Что когда меня подбили, они продолжали летать и воевать. А как там сейчас – не знаю. За пару месяцев на фронте могло произойти все, что угодно.

Ходики с медным маятником и двумя гирьками в виде еловых шишек показывали время ближе к одиннадцати. Свет тускло горел только над столом. И еще мерцала крошечная лампадка у маленькой иконки в углу дома. Ниночку уже отправили спать. Мы негромко переговаривались, сидя за столом. Еще раз подогрели на шестке печки чайник. Иван Прохорович смотрел внимательно. Видимо, он уловил в моих ответах некоторое напряжение и недосказанность. (Ага, решил пацан батьку провести.) Дарья Никитична просто смотрела влажными глазами на меня и была не в состоянии наглядеться. Я сейчас мог бы говорить все, что угодно, хоть стихи читать, хоть песни петь, хоть изложить математическую теорию молекулярных соударений, она продолжила бы так смотреть и слушать. У нее было простое материнское счастье – сын. Вернулся сын. Живой.

Отец веско положил ладонь на стол.

– Все, потом договорим. Мать, стели Алексею впереди.

Видимо, впереди (в передней части) жили младшие обитатели дома.

Дарья Никитична поднялась, чтобы приготовить постель. Наверное, сейчас лучший момент для того, чтобы расставить все точки над «е». Осторожно накрыл батину ладонь сверху своей.

– Погодите. Мам, ты присядь, – попросил я.

Достал из планшета, который лежал на буфете, медицинское заключение и протянул его им. Отец быстро просмотрел, придирчиво оглядел красную отметину у меня на голове, нахмурился и передал матери. Она тоже начала читать... Глаза и так были у нее «на мокром месте», а теперь слезы прочертили две дорожки по щекам. Она подняла руку и провела пальцами по шраму от края лба и почти до уха.

– Я сумел обмануть комиссию, да к тому же они не очень внимательно смотрели. Мне надо, очень надо вернуться на фронт... И летать. – Из всех сил старался говорить как можно убедительнее. При этом старался произносить слова неторопливо, тщательно и как бы подавливая их на выходе своей внутренней энергией. Даже почувствовал, как напряглись мышцы пресса и потеплели ладони. Как учил нас на тренировках Сергеич – «работаем Манипурой и Свадхисткханой».

– Если бы все рассказал врачам, – продолжаю говорить и давить «невидимым», – то наверняка забраковали и навсегда отстранили от полетов. А может быть, и из армии выгнали. Есть одна беда, о которой никто не догадался, – я частично потерял память. Помните, деда Никифора с соседней улицы? Которого в Империалистическую контузило, – у него такое же было. Он же потом все вспомнил... (Боже мой! А это откуда всплыло?! Какой еще дед Никифор?! Это мне Лешка Журавлев, что ли, подсказывает?! Но Дарья Никитична согласно кивнула – что, «попал в десяточку»?) И еще о таких случаях я читал в книжках, – убеждаю, почти уговариваю «своих».

Мать снова кивнула, соглашаясь. Она не отрывала мокрых глаз. Отец тяжело поднялся, встал за моей спиной и положил руки на плечи.

– У меня потом тоже все вернется. Но сейчас кое-чего не помню. Из нашей и своей прошлой жизни. Если что не так – простите... И только никому не говорите. Мне на фронт надо!

– Не пуцу... – шепотом сказала мать.

– Дарья! – в голосе бати прорезался металл. Потом добавил помягче: – Ему виднее. Он же всегда знал, что делает. Ты лучше вот что... давай-ка еще чайку налей...

– Мам, да ты не волнуйся, я знаю, я читал, что потом все-превсе вспомню. – Говорю и говорю, заговариваю, скорее заваливаю словами. – Да не бойся, в остальном-то все нормально. Вот даже до полетов почти допустили. Пока в учебно-тренировочной эскадрилье буду – за пару-тройку месяцев все нормализуется. Мне летать надо и на фронт вернуться необходимо. И не волнуйтесь – я везучий, со мной все будет хорошо. И потом обязательно вернусь, мне еще свой институт окончить хочется. Стану ученым-химиком.

– И придумать твои чудесные краски, про которые ты говорил, что они сами светятся и цвета меняют, – мать продолжала тихонько ронять слезинки.

– Флуоресцирующие?!

– Вот-вот. Название научное какое-то...

– Все, – сказал отец. – Завтра еще день будет. Давайте допивать и на боковую.

Пусть будут прокляты гады, которые начали Войну! Из-за которых не стало того чудесного парня, которого я вынужден был заменить (а иначе зачем это всё?). А сколько еще вот таких же ребят не стали поэтами, музыкантами, спортсменами, технарями, художниками, слесарями, врачами, учителями...

Что же, теперь я здесь и стану воевать, но не только за Лешку Журавлева. За себя. За своих родителей и родителей жены, которых несколько раз ограбили «реформаторы». За разваленную страну, за убитое производство, за гражданские войны между прежними соседями! За нациков, марширующих по улицам городов моей страны! За все то, что случилось и что не случилось!

У Брэдбери, кажется, из-за одной раздавленной бабочки изменилась реальность. Может быть, и я смогу выгнуть эту действительность в другую сторону. Я очень попробую передавить как можно больше этих самых «бабочек»!

Не смогу, так хоть постараюсь!

Домик был небольшой. Передняя половина делилась досочками, напоминающими вагонку, на три части. Комнатка Ниночки, комнатка ребят и общая комната, в которой стояли два письменных стола и стеллаж с книгами. К стене были прикреплены еще полки, на которых тоже стояли книжки (вроде как учебники). Чуть в сторонке, опираясь на один из столов, располагалась чертежная доска. К ней прислонилась деревянная рейсшина. Это, видимо, было рабочее место братьев. К потолку на тросике прикреплена модель самолета. Не очень точная, но узнаваемая. Вроде бы как «И-15». Бипланчик такой. А вот Ниночкин стол. В слабом свете лампы видны сложенные аккуратной стопкой учебники, тетрадки и книжка с красивыми картинками посередине стола. На полочке над столом тоже стояли книжки, а сбоку сидела куколка.

Кровать мои надежды не оправдала. Я думал увидеть никелированное чудо техники с блестящими шарами на стойках, а оказалась обычная металлическая кровать. Дуги покрашены эмалью в светло-коричневый цвет. Напротив стояло точно такое же изделие отечественного металло-мебельного производства, только с матрасом и сложенным одеялом. Ближе к окну за изголовьями кроватей стояли этажерка и пара стульев. Под этажеркой нашелся потрепанный чемоданчик. На нижней полке устроились инструменты. На следующей – две ручки, карандаши и приличная готовальня. Сбоку лежала стопка писчей бумаги и блокнот, на обложке которого был нарисован корабль под парусом. Еще выше – флакончик одеколона с резиновой грушей, опасная бритва (чувствуется, что новенькая, так и не побывавшая в употреблении), несколько носовых платков, которые охраняли деревянный танк и отделение солдатиков. За одной кроват-

тью находился шкаф. За второй стоял на заднем колесе велосипед. Переднее, поднятое вверх, фиксировал массивный крюк, вбитый в стену.

Ниночка уже сладко спит. И мне тоже пора на боковую. День выдался длинным и тяжелым, так что здоровый, крепкий сон накрыл словно одеялом.

Утром поднялся вместе со всеми. Разделил с ними скромный завтрак (хлеб с «чаем»). На предложение дальше отдыхать заверил всех, что в госпитале отоспался на год вперед. Сообщил, что мне еще требуется зайти в военкомат – отметить отпускные документы и узнать дорогу в предписанный пункт назначения. Заодно выяснил (типа «вспомнил») все «значные места» в округе (булочная, продуктовые, «толчок» и прочие). Уточнил, где дома лежат швейные принадлежности (шинель и гимнастерку все-таки надо привести в нормальный вид). Попросил напомнить, где лежат топоры и клинья. Центрального отопления здесь нет, а дрова в «своем доме» всегда нужны. Ниночка сообщила, что сегодня в госпиталь помогать после школы не пойдет и уделит мне все свободное время.

Проводив всех до калитки, я помахал рукой и приступил к нехитрым домашним делам. Иголку с нитками держать в пальцах умел, так что на ремонт и подшивку формы времени ушло немного. Не ателье, конечно, но вроде бы стало лучше. Потом взял лопату и прочистил дорожку до калитки и от калитки до веранды, а потом и до заднего двора. Разгреб площадку перед двором, выкатил колоду и чурбаки. Эх, где мой любимый «Штилек»! Здесь, чувствуется, в ходу только «Дружба-2».

Раздайся народ – Лешка дрова рубит! Е-э-х! У-о-х! Теперь и перекурить не грех. Стопка колотых поленьев уже поднялась у колоды. Пошарил во дворе, нашел мелкий напильник и брусок. Топор и клинья в норме, но подточить – заострить не помешает. «Окончить перекур! – Есть окончить перекур!» Продолжаем... Помахал еще немного топором и принялся убирать дрова. Чурбаки были сосновые, рубились на легком морозце хорошо, так что клинья почти не потребовались.

Сбегал за водой. Порадовало, что здесь уже есть колонка (из которой по случаю мороза текла тонюсенькая струйка воды), а не простые колодцы.

Теперь надо привести себя в порядок – командиру Красной армии в военкомат следует прибыть в соответствующем виде.

Вторая половина дома играла роль зала, кухни, родительской комнаты и умывальной. Можно чуток побаловать себя – рукомойник наполнил водой из чайника, так что брился (больше для порядка, чем по необходимости) и умывался теплой водой, как буржуй. Теперь обмундирование. Спасибо двум армейским годам – как содержать в порядке форму, научили. Раз – пройтись одежной щеткой по обмундированию и шинели. Два – обувной щеткой – по сапогам (решил их одеть «для форса»). Три – все металлические детали на портупее и пуговицы – суконной тряпочкой с зубным порошком (другого-то ничего нету). Затянулся, осмотрелся – годится! Я, конечно, понимаю, что, на требовательный взгляд старшины, можно было бы и лучше. Но «в условиях, максимально приближенным к боевым», как говорилось в наше время, мой внешний вид в полной мере соответствовал содержанию.

Черт возьми, как же тяжело без часов! Придется потом разориться и купить. Дверь веранды запер, калитку закрыл. Теперь вперед, – на поиски военкомата. По идее, он должен быть где-нибудь ближе к центру.

Все-таки зря решил пофорсить – пошел в сапогах и ушанку тоже привел в уставной вид. Да и рукавицы оказались бы предпочтительнее перчаток. На дворе декабрь и весьма нежарко. Особенно ушами это почувствовал. Так что шевелиться надо скорее.

Всего через час поисков, расспросов прохожих я нашел местный военкомат. Самое противное оказалось ждать оформления документов и выдачи всяких пропусков-карточек-талон-справок. Заодно на складе при военкомате получил продукты. «Паек» называется. Десять

журналов, двадцать подписей, три согласования, два похода за визой к военкому и три визита к его замам. Бюрократы хреновы! Я в шинели даже запариться успел. Почти целый день и так невеликого отпуска у меня «съели»! Слава богу, все выдали. На всякий случай проверил состояние аттестата. Лешка Журавлев оказался нормальным парнем – почти все деньги он переводил родным и немного отчислял в Фонд обороны. Ничего менять не стал. Тех средств, которые оставлял себе молодой лейтеха, и мне должно хватить. Интересно, а что за финансы оказались в моем распоряжении при выписке из госпиталя? Это полученные в полку премиальные – наградные? А может, мне прежние сослуживцы на дорогу скинулись?

Из всей продукции отечественной полиграфии, выданной в военкомате, интуитивно понятными были только талоны на обед в столовой, чем я и воспользовался, благо идти недалеко и дорогу подсказали.

Немного погулял по городу, попытался ориентироваться. Надо же вживаться в образ. Получилось, как у нас выражаются, «на троечку». Гулял кругами в районе центра и вокзала.

То, что в Павлике нет метро – это терпимо. И в мое время его тоже не провели. Но хоть автобусы-то могли бы запустить! Весь встреченный по дороге транспорт – несколько полуторок или трехтонок, да пара телег. Во, гляди-ка – сани проехали. Прямо как у Деда Мороза, только старые и грязные. А тут как народ передвигается? Это ж сколько снега надо ногами месить, пока до точки назначения доковыляешь?!

Дома меня встретила озабоченная и серьезная Ниночка. Оказывается, мои «родители» велели ей помочь адаптироваться в этом мире, не вдаваясь в подробности. Я смущенно улыбнулся, предложил попить чаю. Рассказал, как сходил в военкомат, и предъявил туго набитый «сидор», в котором разместился-утолкался полученный «паек». Попросил помощи в вопросах местной коммерции – задача «как отоваривать карточки» казалась мне операцией сродни получению ипотечного кредита. Предложение растопить печку (я прикинул, что в доме несколько прохладно) встретило решительный отпор.

– Ты что! Топить будем вечером – дрова беречь надо. Следующий раз только в феврале обещали привезти.

– А самим в лес сходить?

На меня посмотрели с явным сожалением. А, ну ясно – раненый-контуженый.

– И на чем из леса привезешь? А как по лесу сейчас пройдешь? Замело же все!

– М-да... Что-то не подумал... – А как тут сообразишь, если в наше время основной и главный заслон от таких самозванных дровосеков – это егеря и полиция. Бензопила есть, машина есть, значит, дрова будут в любое время года. Только не надо браконьерствовать – валежника и так на всех вполне хватит.

– Ладушки, мисс Всезнайка, – пошли, станешь меня учить, как карточки отоваривать.

Собравшись на вторую дневную вылазку, я выпендриваться уже не стал – оделся потеплее и захватил верный «сидор». Надо было помочь «своему» дому, – купить что-нибудь нужное. В отличие от Дяди Федора у меня наличность имелась. Осталось только узнать – это было много или мало.

В конце всего бесконечного похода по магазинам и рынкам я задавался только одним вопросом: «Когда люди здесь успевали жить?» В этой очереди постой – перестройся в другую, займи в третьей и запишись на завтра в четвертой. Господи, какое же счастье в наше время: заскочил после работы в магазин, купил все, что надо, а также что не надо – и поехал домой. Сумки-пакеты предложат на кассе. По карточке расплатился, все закинул в багажник или на заднее сиденье, и через полчаса ты уже у холодильника. А уж если совсем лень – закажите доставку по интернету. Вам сказать, что мы приобрели за четыре часа хождения по магазинам? Записывайте: хлеб (у нас он называется черный или ржаной) три «кирпича», хлеб ситный (в прежней реальности в армии как белый выдавали, а здесь такой в госпитале) два «кир-

пича», масло сливочное – полкило в серой бумаге, неизвестная мороженная куча чего-то под наименованием рыба – два кг, кусман красноватой массы с костями под гордым названием «Говядина» – килограмм, крупа перловая, крупа пшеничная, крупа рисовая (не путать с благородным рисом!), сероватые трубочки, почему-то именуемые макаронами, крупа манная. Гречку обещали выдавать на следующей неделе. Забудьте про пакетики и упаковки, – все насыпали при нас в ловко сворачиваемые кулечки из серовато-коричневой бумаги. Спички! Это же оказалось реальной ценностью, и Ниночка обрадовалась, что дали целую упаковку – десять коробков. Из приправ нашлись только черный перец и лаврушка. Сахар выдали здоровыми белыми кусками. Больше всего меня выбил из колеи развесной чай. Чай он только по внешнему виду немного напоминал. Запах отсутствовал напрочь. Мы посоветовались и решили воздержаться от покупки. Тем более что, по словам Ниночки, дома чай наличествовал. Грузинский. Про кофе лучше не спрашивать, так же как и про какао. Может быть, вам еще рахат-лукум подать? Подозреваю, что для Ниночки это слово соответствует волшебнику из восточной сказки.

Сам бы подсолнечное масло и керосин не купил. Ниночка догадалась взять из дома два бутылка. На одном даже сохранилась этикетка с подсолнечником. Иначе могли налить только в карманы.

Соль йодированная? Еще и мелкого помола? Может быть, вы желаете в пачке или коробочке? Соль была только крупная и с сероватым оттенком. Не более 300 граммов в одни руки. Со слов Ниночки я понял, что нам повезло, что мы вообще застали соль в продаже.

Ни овощей, ни фруктов... Даже сухофруктов и то не было. Конфеты купить сумели – леденцы и тянучки. Больше сладкого ничего не продавалось. Я критически осмотрел свою «сестру». А ведь она после школы еще в госпитале помогает. Да, с эдаким питанием в детском и подростковом возрасте к 60 годам ей гарантирован такой букет заболеваний, что медицинская энциклопедия не вместит. И я решительно повернул к ближайшей еще не закрытой аптеке.

Покупка аскорбинки, баночки витаминов и гематогена (ого, уже есть в продаже! правда, упаковка чудная) были восприняты благосклонно. Бутылочка рыбьего жира вызвала решительный протест.

– Зачем эту гадость покупать? – подрастающее поколение с подозрением уставилось на меня.

– Затем, что моя любимая сестренка будет каждый день (и даже в выходной) выпивать по столовой ложке этой «гадости». А когда бутылочка закончится, она сама придет и купит еще или попросит маму взять в госпитале.

– Фу! – все отвращение к рыбьему жиру и негодование по поводу произвола старших было вложено в это восклицание.

– Слухай суды, мелочь! Это не «фу», а твои зубы, глаза, волосы и кожа! И сейчас за то, чтобы они были здесь, люди платят своими жизнями.

– Это как? – В глазах ребенка непонимание.

– Это так! – Начинаем ликбез для детей среднего школьного возраста. – Вопрос на оценку «отлично»: состав рыбьего жира. Вопрос на оценку «хорошо»: где добывают рыбий жир. Вопрос на оценку «три»: кто, где и зачем разработал биологически активную добавку под названием «Рыбий жир».

– Ну и?..

– Если не знаешь – так и скажи: «не знаю»!

– Ну не знаю, нам еще не рассказывали...

– Молодец, «двойка»! – Надо же чуть поддеть для профилактики. – Мелкий троллинг, стимулирует мозговую деятельность.

– Твое «фу – гадость» начали разрабатывать еще в царской России, а закончили в Советском Союзе ведущие специалисты в области биологии, медицины и питания. Он содержит одни из самых полезных аминокислот и витаминов. Особенно важно содержание витамина Д, – это

защита от многих болезней, в том числе от рахита и от «куриной слепоты». В основном эти полезные вещества содержатся в морских рыбах, в частности в печени трески. Разрабатывался он для людей, занятых на тяжелых работах, например для моряков-подводников, для полярников и летчиков. Потом оказалось, что его применение благотворно для сварщиков, монтажников-высотников, водолазов. И для детей! Ясно?

– Ясно.

– Теперь ко второй части. Где живет треска?

– В море.

– Это правильный ответ, но не полный. «Четверка». Ответ на «пятерку» – «В Северном море». А что сейчас происходит в тех краях?

– Зима? Море замерзло?

– Сейчас на море идет война, и при этом более жестокая и страшная, чем на суше.

– Почему более страшная?

– Потому что если тебя ранили, то ты упадешь на землю, если подбили танк, то ты выпрыгнешь из него. Даже если подобьют самолет и сможешь покинуть его с парашютом, все равно приземлишься на твердую поверхность. А что будешь делать, если это происходит на море? Человек, попавший в ледяную воду, погибает от переохлаждения через десять минут. Повреждение корабля или самолета – это смертный приговор экипажу, если вовремя не помогут. Вот в таких условиях сейчас и добывают рыбий жир. А еще его вместе со снарядами, танками и самолетами нам за золото поставляют союзники. Через Иран, Чукотку и Кольский полуостров. И сейчас через пургу и метели по ледяному морю в полярной ночи идут караваны в Мурманск. Грузовые корабли охраняют крейсера и эсминцы. Наши и английские. А фашисты атакуют их на подводных лодках и бомбят с самолетов. Выходит, девушка, своим «фу» ты играешь на руку врагам.

Ниночку мои рассказы явно проняли. Последняя фраза ее совсем возмутила.

– А для того чтобы ты сама всегда употребляла рыбий жир, я научу, как это надо делать. Будет вкусно.

Еще в аптеке нашлись душистое мыло – земляничное (редкость ужасная) и брусок хозяйственного (просто редкость).

Ниночка была довольна нашими приобретениями – у нас получилось отоварить карточки, выданные в военкомате, и купить редкие вещи. Повезло, что был рабочий день и людей в магазинах и на улице было мало. Вскоре сумерки сменились полноправной темнотой. Потянулся с работы народ. В продуктовых и булочной образовались длинные «хвосты». Мы решили, что по магазинам и на рынок я еще завтра схожу, поэтому отправились домой.

Дорогу лучше коротать разговором. Тем более заметил, что Ниночке со мной интересно. Конечно же: старший брат, военный в форме, фронтовик, летчик, командир. Сестренка уже давно перестала дичиться и серьезничать.

– А летать не страшно?

– А тебе дышать не страшно?

– Ну ты сравнил!

– Вот представь себе, «сравнил»! Это же небо! Это свобода, это простор. Это все совсем по-другому. Не смогу объяснить... Ладно, вот после войны на Юг полетишь отдыхать – сама посмотришь. Еще понравится путешествовать таким способом.

– Как это «на Юг»... Летать на самолете?

– Ну вот родителям дадут путевку в санаторий или дом отдыха, купите билеты «туда – обратно», сядете в пассажирский самолет и полетите.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.